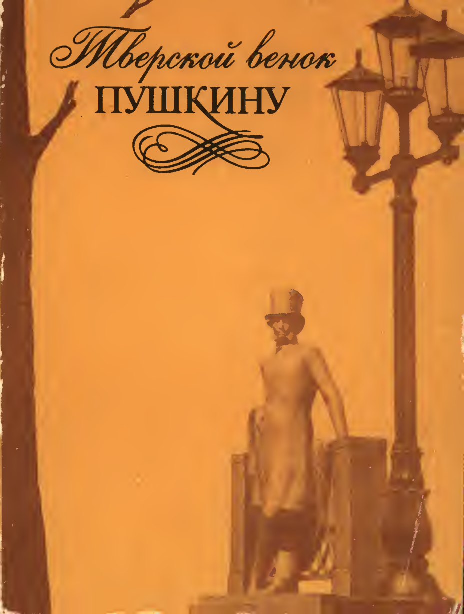

Тверской венок
ПУШКИНУ

Тверской венок ПУШКИНУ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ
1989

ББК 83.3Р1
Т26

Составитель
А. Е. СМИРНОВ

Фотоиллюстрации
Ю. Н. САДОВНИКОВА

Т $\frac{4603020101-226}{М172(03)-89}$ Без объявл.

ISBN 5—239—00509—5

От составителя

Каждый год в первое воскресенье июня тысячи людей собираются на солнечной берновской поляне. Здесь, в любимых Александром Сергеевичем тверских местах, отмечается Пушкинский праздник поэзии.

...Закончена посевная страда, по всем дорогам, ведущим в Калинин, Торжок, Берново, буйствует сирень. В самое междупарье, на рубеже весны и лета, приходят к нам торжества в честь великого русского поэта.

Пушкин, поэзия, праздник! Люди становятся чище душой, богаче мыслью в эти дни.

Мы отдаем ему долг почитания и любви, трепетно постигаем его магические строки, которые, единожды забрав нас в плен, не отпускают уже больше никогда. Гипноз пушкинской поэзии сильнее в том краю, где он творил, дружил и оставил след своих легких энергичных шагов.

С именем Пушкина тверская земля повенчана навсегда. Многие дни и ночи провел он в поездках по ее «государевой дороге». Вот хронология этих поездок.

1811

Июнь. Из Москвы в Петербург.

1826

Сентябрь. Из Михайловского в Москву.
Октябрь. Из Москвы в Михайловское.
Декабрь. Из Михайловского в Москву.

1827

Май. Из Москвы в Петербург.

1828

Октябрь. Из Петербурга в Тверскую губерию.
Ноябрь. Из Тверской губерии в Москву.

1829

Январь. Из Москвы в Тверскую губерию.
Январь. Из Тверской губерии в Петербург.
Май. Из Петербурга в Тверскую губернию.
Май. Из Тверской губернии в Москву.
Октябрь. Из Москвы в Тверскую губерию.
Ноябрь. Из Тверской губернии в Петербург.

1830

Март. Из Петербурга в Тверскую губерию.
Март. Из Тверской губернии в Москву.
Июль. Из Москвы в Петербург.
Август. Из Михайловского в Москву.

1831

Май. Из Москвы в Петербург.
Декабрь. Из Петербурга в Москву.
Декабрь. Из Москвы в Петербург.

1832

Сентябрь. Из Петербурга в Москву.

Октябрь. Из Москвы в Петербург.

1833

Август. Из Петербурга в Тверскую губернию.
Август. Из Тверской губернии в Ярополец.

1834

Октябрь. Из Петербурга в Москву.
Ноябрь. Из Москвы в Петербург.

1836

Май. Из Петербурга в Москву.
Май. Из Москвы в Петербург.

Подолгу гостил А. С. Пушкин в Тверской губернии шесть раз: осенью 1828, зимой, весной и осенью 1829, весной 1830 и летом 1833 годов.

О том, что поэт здесь написал, с кем дружил, рассказывает эта книга.

Тверской венок Пушкину... Это наши поэтические праздники в конце мая — начале июня, когда звучат стихи в очнувшемся от строгой тишины читальном зале областной библиотеки имени А. М. Горького, на круглой площади Торжка, с эстрады берновского парка, на которую смотрит с холма сосна, чьи раздвоенные ветви так напоминают лиру.

Со времен первого праздника, состоявшегося 5 июня 1970 года (это были, точнее, Пушкинские чтения, собравшие небольшую группу калининских пушкинистов), в литературной части торжеств выступили 150 писателей. Среди них Ираклий Андроников, Лариса Васильева, Андрей Дементьев, Михаил Матусовский, Сергей Наровчатов, Лев Ошанин, Людмила Татьяничева и многие другие. Традицией стало участие в праздниках калининских литераторов.

Тверской венок... Это музеи А. С. Пушкина в Торжке и Бернове, ставшие за минувшие годы зна-

чительными культурно-просветительными центрами благодаря усилиям таких специалистов, как И. М. Бружеставицкий, Т. В. Горох, Л. А. Казарская, Ю. Л. Керцелли, Т. П. Кочнева, С. Т. Овчинникова, С. П. Орлова и их коллеги. Каждый музей — это своеобразный Дом Пушкина. Именно Дом. Именно с большой буквы.

Тверской венок... Это памятники Пушкину работы выдающихся русских ваятелей на площадях и в парках. У каждого скульптора — свой Пушкин — у Е. Ф. Белашовой, О. К. Комова, И. М. Рукавишникова. Но вместе, сообща, они создали образ н а ш е г о Пушкина.

Тверской венок... Это целая библиотечка, в которую вошли книги исследователей и краеведов М. А. Ильина, В. Ф. Кашковой, Л. Ф. Керцелли, А. С. Пьянова, Л. А. Черейского, научные труды филологов Калининского государственного университета. К ним следует добавить талантливые произведения калининских художников Р. Н. Благовещенского, А. Ф. Дубова, Г. Ф. Зайцева, Г. П. Клюшина, В. Ф. Шумилова и других; многочисленные экскурсии по пушкинским местам, которыми богато Верхневолжье; пушкинские спектакли калининских театров; заседание городского пушкинского клуба в областном центре.

В первом разделе книги опубликованы стихотворения А. С. Пушкина, написанные им в Тверской губернии. Здесь же помещен «Роман в письмах», над которым Александр Сергеевич работал осенью 1829 года.

Второй раздел содержит письма А. С. Пушкина, адресованные в Тверскую губернию или отправленные им отсюда. Письма поэта всегда считались важнейшим источником при изучении его биографии. В них — его характер, интересы, отношения с различными людьми.

Все тексты приводятся по Собранию сочинений А. С. Пушкина в 10-ти томах (М., Художественная литература, издается с 1974 г.).

В третьем разделе собраны первые работы тверской Пушкинианы, та основа, на которой развивалось в Твери пушкиноведение.

Труды первых тверских историков-краеведов В. И. Колосова, И. А. Иванова, С. А. Фессалоницкого издавались один раз и с тех пор стали библиографической редкостью. Некоторые сведения, приведенные в этих исследованиях, не выдержали проверки временем (например, утверждение В. И. Колосова о пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии в 1827 г.) или до сих пор еще вызывают сомнения, так как не обеспечены документальными доказательствами, хотя высказанные версии вполне вероятны (в частности, знакомство Пушкина с федоровским помещиком Ф. Ф. Эгерштромом). По-разному авторы подходят к оценке современников поэта (к примеру, не сходятся характеристики, данные А. Н. Вульфу С. А. Фессалоницким и Л. Ф. Керцелли). Но каждая работа позволяет увидеть оригинальность мыслей автора, нарастающую глубину исследований. Читателя, желающего подробнее познакомиться с пребыванием поэта в Тверской губернии, мы отсылаем к упомянутым книгам — А. С. Пьянова «Мои осенние досуги» и «Под голубыми небесами», Л. Ф. Керцелли «Тверской край в рисунках Пушкина», В. Ф. Кашковой «Я к вам пишу... Тверские мотивы в переписке А. С. Пушкина», Л. А. Черейского «Пушкин и Тверской край». Все они вышли в свет в последние 10—15 лет и дают представление о современной точке зрения на ту или иную проблему.

В четвертом разделе помещены рецензии И. Л. Андроникова, Ю. М. Нагибина, Б. А. Ахмадулиной на современные исследования тверской Пушкинианы. Здесь же опубликована глава из книги заслуженного работника культуры РСФСР А. З. Крейна «Рождение музея», рассказывающая о людях, прокладывающих пути-дороги к Пушкину, о формировании, продолже-

нии и укреплении пушкинской литературной традиции, о счастье повседневного общения с поэтом.

В пятом разделе собраны стихи местных поэтов о пушкинских местах Калининской области. Они как бы являют собой поэтическое свидетельство того вдохновения, которое дарует поэт поэтам.

Фотографии Ю. Садовникова знакомят читателя с сегодняшним обликом городов Калинина, Торжка, Старицы, сел Бернова, Малинников, Павловского, в котором сохранились и черты пушкинской эпохи.

Вплетаются новые ветви в тверской венок Пушкину. Местное отделение Советского фонда культуры проводит благотворительные пушкинские вечера. В праздничную полночь собираются любители пушкинского стиха на берегу Волги и декламируют самые любимые, самые заветные строки. В архивной сладостной пыли отыскивают краеведы новые сюжеты, штрихи великой биографии.

Тверская земля помнит поэта.

И пробуждается поэзия во мне

«ПОСВЯЩЕНИЕ» К ПОЭМЕ «ПОЛТАВА»

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

1828

*

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

1828

АНЧАР [1]

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,

[1] Древо яда. *(Прим. Пушкина.)*

И пот по бледному челу
Струился хладными ручьямн;

Прннес — н ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобеднмого владыкн.

А князь тем ядом напнтал
Свон послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

ЦВЕТОК

Цветок засохшнй, безуханный,
Забытый в кннге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполинлась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? н сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свидаиья,
Илн разлукн роковой,
Иль одннокого гулянья
В тншн полей, в тени лесной?

И жнв лн тот, н та жнва лн?
И нынче где нх уголок?

Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani [1]

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес

[1] Прочь, непосвященные (*лат.*).

Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор,— полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,

Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

1828

*

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

1828

*

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,

Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши милые края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

1829

*

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;

Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.

Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Глава седьмая

XXII

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтенье разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

XXIII

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы

Устремлеиы на ннх жнвей.
Татьяна вндит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Оиегии поражен,
В чем молча соглашался ои.
На нх полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Оиегииа душа
Себя иевольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXIV

И начинает поиемиогу
Моя Татьяна поннмать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный н опасный,
Создаиье ада иль небес,
Сей аигел, сей иадменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ннчтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд нстолковаиье,
Слов модных полный лекснкои?..
Уж не пародия лн он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* иайдеио?
Часы бегут; оиа забыла,
Что дома ждут ее давно,
Где собралися два соседа

И где об ней идет беседа.
— Как быть? Татьяна не дитя,—
Старушка молвила кряхтя.—
Ведь Оленька ее моложе.
Пристроить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотрез одно и то же:
Нейду. И все грустит она,
Да бродит по лесам одна.

1828

ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЕГИНА

(Из неопубликованной восьмой главы «Странствие»)

VI

Он собрался, и, слава богу,
Июля третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великой.
Смирились площади — средь них
Мятежный колокол утих,
Не бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов,
И вкруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

VII

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ямщики
Поют, и свищут, и бранятся.
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

VIII

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжьей потчует ухой,
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.
Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.

. . . .

X

Тоска! Евгений ждет погоды.
Уж Волга, *рек, озер краса,*
Его зовет на пышны воды,
Под полотняны паруса.
Взманить охотника нетрудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину
Кровавил волжскую волну.

XI

Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали. Но вот
Средь степей своих песчаных
На берегу соленых вод
Торговый Астрахань открылся.
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают,— и, взбешен,
Каспийских вод брега сыпучи
Он оставляет в тот же час.
Тоска! — он едет на Кавказ.

1829

РОМАН В ПИСЬМАХ

1. Лиза — Саше.

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъезду в деревню. Спешу объясниться во всем откровенно. Зависимость моего положения была всегда мне тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитывала меня наравне со своею племянницею. Но в ее доме я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, как много мелочных горестей неразлучны с этим званием. Многое должна была я сносить, во многом уступать, многого не видеть, между тем как мое самолюбие прилежно замечало малейший оттенок небрежения. Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала, не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только, чтобы не отличаться от меня, и эта внимательность уже оскорбляла меня. Неужто предполагают во мне, думала я, зависть или что-нибудь похожее на такое детское малодушие? Поведение со мною мужчин, как бы оно ни было учтиво, поминутно задевало мое самолюбие. Холодность их или приветливость, все казалось мне неуважением. Словом, я была создание пренесчастное, и сердце мое, от природы нежное, час от часу более ожесточалось. Заметила ли ты, что все девушки, состоящие на правах воспитанниц, дальних родственниц, demoiselles de compaqnie [1] и тому подобное, обыкновенно бывают или низкие служанки, или несносные причудницы? Последних я уважаю и извиняю от всего сердца.

Тому ровно три недели получила я письмо от бедной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня к себе в деревню. Я решилась воспользо-

[1] компаньонок *(франц.)*.

ваться этнм случаем. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевиы позволения ехать, и должна была обещать зимою возвратиться в Петербург, ио я ие намереиа сдержать свое слово. Бабушка мие чрезвычайно обрадовалась; она никак меня не ожидала. Слезы ее меня тронули несказаиио. Я сердечно ее полюбила. Оиа была иекогда в большом свете и сохранила много тогдашией любезности.

Теперь я живу *дома*, я хозяйка — и ты ие поверишь, какое это мне истиниое наслаждение. Я тотчас прнвыкла к деревеиской жизни, и мие вовсе не страино отсутствие роскоши. Деревия иаша очень мнла. Старнниый дом иа горе, сад, озеро, рощи сосиовые, все это осенью н знмою немиого печальио, но зато весиой и летом должно казаться земиым раем. Соседей у иас мало, и я еще ни с кем не виделась. Уедниение мие иравится иа самом деле, как в элегиях твоего Ламартина.

Пишн ко мие, мой ангел, письма твои будут мие большим утешеиием. Что вашн балы, что нашн общие зиакомые? Хоть я и сделалась затворнннцей, однако ж я ие вовсе отказалась от суеты мира — вести об ием для меия занимательны.

Село Павловское.

2. *Ответ Саши.*

Мнлая Лнза.

Вообрази мое изумление, когда узиала я про твой отъезд в деревию. Увндев княжиу Ольгу одиу, я думала, что ты иездорова, и ие хотела поверить ее словам. На другой деиь получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой аигел, с новым образом жизни. Радуюсь, что ои тебе понравился. Твои жалобы о прежием твоем положеиии меия троиулн до слез, ио показались мие слнш-

ком горькими. Как можешь ты сравнивать себя с воспитанницами и demoiselles de compaqnie? Все знают, что Ольгин отец был всем обязан твоему и что дружба их была столь же священна, как самое близкое родство. Ты, казалось, была довольна своей судьбою. Никогда не предполагала я в тебе столько раздражительности. Признайся: нет ли другой, тайной причины твоему поспешному отъезду. Я подозреваю... но ты со мною скромничаешь — и я боюсь рассердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебе про Петербург? Мы еще на даче, но почти все уже разъехались. Балы начнутся недели через две. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На днях обедали у нас гости,— один из них спрашивал, имею ли о тебе известия. Он сказал, что твое отсутствие на балах заметно, как порванная струна в форте-piano — и я совершенно с ним согласна. Я все надеюсь, что этот припадок мизантропии будет не продолжителен. Возвратись, мой ангел; а то нынешней зимою мне не с кем будет разделять моих невинных наблюдений и некому будет передавать эпиграмм моего сердца. Прости, моя милая,— подумай и одумайся.

Крестовский остров.

3. Лиза — Саше.

Письмо твое меня чрезвычайно утешило — оно так живо напомнило мне Петербург. Мне казалось, я тебя слышу! Как смешны твои вечные предположения! Ты подозреваешь во мне какие-то глубокие, тайные чувства, какую-то несчастную любовь — не правда ли? успокойся, милая; ты ошибаешься: я похожа на героиню только тем, что живу в глухой деревне и разливаю чай, как Кларисса Гарлов.

Ты говоришь, что тебе некому будет нынешней зимою передавать своих сатирических наблюдений,— а на что же переписка наша? Пиши ко мне все, что ты заметишь; повторяю тебе, что я вовсе не отказалась от света, что все, касающееся до него, для меня занимательно. В доказательство того прошу тебя написать, кому отсутствие мое кажется так заметным? Не любезному ли нашему говоруну Алексею Р—? Я уверена, что угадала... Уши мои были всегда к его услугам, а ему только и надобно.

Я познакомилась с семейством ***. Отец балагур и хлебосол; мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста; дочка стройная меланхолическая девушка лет семнадцати, воспитанная на романах и на чистом воздухе. Она целый день в саду или в поле с книгой в руках, окружена дворными собаками, говорит о погоде нараспев и с чувством потчует вареньем. У нее нашла я целый шкап, наполненный старинными романами. Я намерена все это прочесть и начала Ричардсоном. Надобно жить в деревне, чтоб иметь возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала с предисловия переводчика и, увидя в нем уверение, что хотя первые шесть частей скучненьки, зато последние шесть в полной мере вознаградят терпение читателя, храбро принялась за дело. Читаю том, другой, третий,— наконец добралась до шестого,— скучно, мочи нет. Ну, думала я, теперь буду награждена за труд. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловласа, и конец. Каждый том заключает в себе две части, и я не заметила перехода от шести скучных к шести занимательным.

Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом? между тем роль женщины не изменяется. Кларисса, за исключением церемонных приседаний, все же походит

на героиню новейших романов. Потому ли, что способы нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны.

Ты видишь: я с тобою болтлива по обыкновенному — не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мне как можно чаще и как можно более — ты не можешь вообразить, что значит ожидание почтового дня в деревне. Ожидание бала не может с ним равняться.

4. Ответ Саши.

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобы смирить твое самолюбие, объявляю, что Р — вовсе не замечает твоего отсутствия. Он привязался к леди Пелам, приезжей англичанке, и от нее не отходит. На его речи отвечает она видом невинного удивления и маленьким восклицанием oho!.. а он в восхищении. Знай: спрашивал меня о тебе, всем сердцем жалеет о тебе твой постоянный admirateur [1] Владимир **. Довольна ли ты? думаю, очень довольна, и по своему обыкновению осмеливаюсь предполагать, что и без меня ты догадалась. Шутки в сторону, ** очень занят тобою. На твоем месте я бы завела его далеко. Что ж, он прекрасный жених... Зачем не выйти за него,— ты жила бы на Английской набережной, по субботам имела бы вечера, и всякое утро заезжала бы за мною. Полно тебе дурачиться, мой ангел, приезжай к нам и выходи за **.

Третьего дня был бал у К**. Народу было пропасть. Танцевали до пяти часов. К. В. была одета очень просто; белое креповое платьице, даже без гирлянды, а на голове и шее на полмиллиона бриллиантов: только!

---

[1] поклонник *(франц.)*.

Z по своему обыкновению была одета уморительно. Откуда берет она свои наряды? На платье ее были нашиты не цветы, а какие-то сушеные грибы. Не ты ли ей, мой ангел, прислала из деревни? Владимир ** не танцевал. Он едет в отпуск. С. приехали (вероятно, первые), просидели всю ночь не танцуя и уехали последние. Старшая, кажется, была нарумянена — пора... Бал очень удался. Мужчины были недовольны ужином, но ведь они вечно должны быть чем-нибудь да недовольны. Мне было очень весело, хоть я и танцевала *котильон* с несносным дипломатом Ст —, который к природной своей глупости присоединил еще рассеянность, вывезенную им из Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчет об Ричардсоне. Теперь я имею об нем понятье. Прочитать его не надеюсь — с моим нетерпением; я и в Вальтере Скотте нахожу лишние страницы. Кстати: кажется, роман Елены Н. и графа Л. кончается — по крайней мере он так приуныл, а она так важничает, что, вероятно, свадьба решена. Прости, моя прелесть, довольна ли ты моею сегодняшней болтовнею?

5. Лиза — Саше.

Нет, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и приехать к вам на свою свадьбу. Откровенно призна́юсь, что Владимир ** мне нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Он аристократ — а я смиренная демократка. Спешу объясниться и заметить гордо, как истинная героиня романа, что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого милльонщика. Но ты знаешь, что значит наша Аристократия. Как бы то ни было, ** человек светский; я могла ему понравиться, но он для меня не пожертвует богатой невестою и

выгодным родством. Если когда-нибудь и выйду замуж, то выберу здесь какого-нибудь сорокалетнего помещика. Он станет заниматься своим сахарным заводом, я хозяйством — и буду счастлива, не танцуя на бале у гр. К. и не имея суббот у себя на Английской набережной.

У нас зима: в деревне c'est un èvènement [1]. Это вовсе не переменяет образ жизни. Уединенные гуляния прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выезжают с собаками,— все делается светлее, веселее от первого снега. Я никак этого не ожидала. Зима в деревне пугала меня. Но все на свете имеет свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась с Машенькой *** и полюбила ее; у ней много хорошего, много оригинального. Нечаянно узнала я, что ** их близкий родня. Машенька не видала его семь лет, но от него в восхищении. Он провел у них одно лето, и Машенька беспрестанно рассказывает все подробности тогдашней его жизни. Читая ее романы, я нахожу на полях его замечания, бледно писанные карандашом; видно, что он был тогда ребенком. Его поражали мысли и чувства, над которыми, конечно, стал бы он теперь смеяться; по крайней мере видна душа свежая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, как странно читать в 1829 году роман, писанный в 775-м. Кажется, будто вдруг из своей гостиной входим мы в старинную залу, обитую штофом, садимся в атласные пуховые кресла, видим около себя странные платья, однако ж знакомые лица, и узнаем в них наших дядюшек, бабушек, но помолодевшими. Большею частию эти романы не имеют другого достоинства. Происшествие занимательно, положение хорошо запутано,— но Белькур говорит косо, но Шарлотта отвечает криво. Умный

[1] это целое событие *(франц.)*.

человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р *. Полно ему тратить ум в разговорах с англичанками! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает.

Маша хорошо знает русскую литературу — вообще здесь более занимаются словесностию, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке, попеременно верят обеим сторонам, сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я знаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень. Они их истинная публика. Я было заглянула в журналы и принялась за критики «Вестника Европы», но их плоскость и лакейство показались мне отвратительны — смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнравственности и неблагопристойности сочинения, которые прочли мы все, мы — санкт-петербургские недотроги!..

6. Лиза — Саше.

Милая! мне невозможно долее притворяться, мне нужны помощь и советы дружбы. Тот, от которого убежала, кого боюсь я как несчастья, ** здесь. Что мне делать? голова моя кружится, я теряюсь, ради бога, реши, что мне делать. Расскажу тебе все...

Ты заметила прошедшую зимою, что он от меня не отходил. Он к нам не ездил, но виделись везде. Напрасно вооружалась я холодностью, даже видом пренебрежения,— ничем не могла я от него избавиться. На балах он вечно умел найти место возле меня, на

гулянье он вечно с нами встречался, в театре лорнет его был устремлен на нашу ложу.

Сначала это льстило моему самолюбию. Я, может быть, слишком это ему дала заметить. По крайней мере он каждый час, присвоивая себе новые права, говорил мне о своих чувствах и то ревновал, то жаловался... С ужасом думала я: к чему все это ведет! и с отчаянием признавала власть его над моей душой. Я уехала из Петербурга — думала тем прекратить зло в его начале. Моя решимость, уверенность в том, что исполнила я свой долг, успокоили было мое сердце. Я начинала думать о нем равнодушнее, с меньшею горестню. Вдруг я его вижу.

Я его вижу: вчера были именины ***. Я приехала к обеду, вхожу в гостиную, нахожу толпу гостей, уланские мундиры, дамы меня окружают, я со всеми ими перецеловалась! Не замечая никого, сажусь подле хозяйки, гляжу: ** передо мной. Я остолбенела... Он сказал мне несколько слов с видом такой нежной, искренней радости, что и я не имела силы скрыть ни замешательства своего, ни удовольствия.

Пошли за стол. Он сел против меня; я не смела на него взглянуть — но заметила, что все глаза были устремлены на него. Он был молчалив и рассеян. В другое время меня бы очень занимало общее желание привлечь внимание приезжего гвардейского офицера, беспокойство барышень, неловкость мужчин, хохот их при собственных шутках, и между тем учтивая холодность и совершенное невнимание гостя... После обеда он ко мне подошел. Чувствуя, что мне было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно некстати, по делам ли заехал он в нашу сторону. «Я приехал по одному делу, от которого зависит счастие моей жизни»,— отвечал он вполголоса и тотчас отошел; он сел играть в бостон с тремя старушками (в том числе с бабушкой), а я ушла наверх к Машеньке, где пролежа-

ла до вечера под предлогом головной боли. В самом деле, я была хуже чем нездорова. Машенька от меня не отходила. Она в восторге от **. Он пробудет у них месяц или более. Она целый день будет с ним. Право, оиа влюблена в него — дай бог, что н он влюбнтся. Она стройна и странна — мужчииам только того н надобно.

Что мне делать, милая, здесь не будет мне возможности избегнуть его преследований. Он уж успел обворожить бабушку. Он будет ездить к нам — опять пойдут признания, жалобы, клятвы — *и к чему?* Он добьется моей любвн, моего признания,— потом размыслит о невыгодах женнтьбы, уедет под какимнибудь предлогом, оставит меня,— а я... Какая ужасная будущность! Ради бога, дай мне руку: я тону.

7. Ответ Саши.

То ли дело облегчнть сердце полной исповедию! Давно бы так, мой ангел! Охота же тебе было не сознаваться в том, что я давно знала: ** и ты — вы влюблены друг в друга — что за беда? На здоровье. Ты нмеешь дар смотреть на вещи бог знает с какой стороны. Ты напрашиваешься на несчастне — берегись накликать его. Почему тебе не выйти за **. Где тут неодержимые препятствия? Он богат, а ты бедна — пустое. Он богат за двух — чего ж вам более. Он аристократ; а ты имеием, воспитаиием разве не аристократка?

Недавно спор зашел о дамах высшего круга. Я узнала, что Р. объявил однажды себя на стороне аристократии, потому что она лучше обувается. Итак, не явно ль, что ты с головы до ног аристократка?

Извини меня, мой аигел, но твое патетическое письмо рассмешило меня. ** приехал в деревню для того, чтоб тебя видеть. Какой ужас! Ты гибнешь, ты тре-

буешь моего совета. Уж не сделалась лн ты уездиой геронией. Мой совет: обвенчаться как можно скорее в вашей деревянной церквн н приезжать к нам, чтоб явнться Фориарнной в картннах, которые затеваются у С **. Поступок твоего рыцаря меня троиул, кроме шуток. Конечно, в старнну любовннк для благосклонного взгляда уезжал на трн года сражаться в Палестнну; ио в нашн времена уехать за 500 верст от Петербурга, для того чтоб увндеться со владычнцею своего сердца,— право, миого зиачнт. ** достони награды.

*8. Владимир ** — своему другу.*

Сделай одолженне, распустн слух, что я прн смертн болен, я намерен просрочнть н хочу соблюстн всевозможную благопрнстойность. Вот уже две недели как я жнву в деревне н не внжу, как время летнт. Отдыхаю от петербургской жнзнн, которая мне ужасно надоела. Не любить деревнн простнтельио монастырке, только что выпущеиной из клеткн, да 18-летнему камер-юнкеру. Петербург прнхожая, Москва девичья, деревия же иаш кабннет. Порядочный человек по необходнмостн проходит через переднюю н редко заглядывает в девичью, а снднт у себя в своем кабннете. Тем н я кончу. Выйду в отставку, женюсь н уеду в свою саратовскую деревню. Званне помещнка есть та же служба. Заннматься управленнем трех тысяч душ, конх все благосостояиие завнснт совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом нлн перепнсывать днпломатнческне депешн...

Небреженне, в котором оставляем мы нашнх крестьян, непростительно. Чем более имеем мы иад ннмн прав, тем более нмеем н обязанностей в нх отношеннн. Мы оставляем нх на произвол плута прнказчнка, который нх

притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застает в нужде и в хлопотах.

Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество; новые подымаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна фамилия не знает своих предков. К чему ведет такой политический материализм? Не знаю. Но пора положить ему преграды.

Я без прискорбия никогда не мог видеть уничижения наших исторических родов; никто у нас ими не дорожит, начиная с тех, которые им принадлежат. Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольничий князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукий, выборный человек от всего государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прошедшее для нас не существует. Жалкий народ!

Аристократия чиновная не заменит аристократии родовой. Семейные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но каковы семейные воспоминания у детей коллежского асессора?

Говоря в пользу аристократии, я не корчу английского лорда; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: Affecter le mèpris del la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâchetê dans le qentilhomme.[1]

---

[1] Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению — черта смешная в выскочке и низкая в дворянине *(франц.)*.

Все это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но, признаюсь, дай бог им промотаться, как нашему брату. Какая дикость! для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины!

Это, впрочем, не относится к родственнику, у которого я в гостях. Он очень добрый человек, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая девочка. Ты видишь, что я стал добр. В самом деле, с тех пор как я в деревне, я стал отменно благосклонен и снисходителен — действие моей патриархальной жизни и присутствия Лизы ***. Мне было скучно без нее не на шутку. Я приехал уговорить ее возвратиться в Петербург. Наше первое свидание было великолепно. Тетка моя была именинница. Все соседство съехалось. Явилась и Лиза — и едва поверила самой себе, увидев меня... Она не могла же не признаться, что я приехал сюда только для нее. По крайней мере я постарался дать ей это почувствовать. Здесь мой успех превзошел мои ожидания (что много значит). Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, «А потому, что патриотки». Мужчины отменно недовольны моею fatuitè indolente[1], которая здесь еще новость. Они бесятся тем более, что я чрезвычайно учтив и благопристоен, и они никак не понимают, в чем именно состоит мое нахальство — хотя и чувствуют, что я нахал. Прощай. Что делают наши? Servitor di tutti quanti[2]. Пиши ко мне в село **.

---

[1] Томным фатовством *(франц.)*.
[2] Покорный слуга всех их, вместе взятых *(итал.)*.

9. Ответ друга.

Поручение твое мною исполнено. Вчера в театре объявил я, что ты занемог нервическою горячкой и что, вероятно, тебя уже нет на свете,— итак, пользуйся жизнию, покамест еще ты не воскрес.

Твои нравственные размышления насчет управления имений радуют меня за тебя. То ли дело

> Un homme sans peur et sans reproche,
> Qui n'est ni roi, ni duc, ni comte aussi[1].

Состояние помещика, по-моему, самое завидное.

Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей.

. . . .

Пустившись в важные рассуждения, я совсем забыл, что теперь тебе не до того — ты занят своею Лизой. Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на ci-devant[2] гвардии хрипуна 1807 г. Покамест это недостаток, скоро ты будешь смешнее генерала Г**. Не лучше ли заранее привыкнуть ко строгости зрелого возраста и добровольно отказаться от увядающей молодости? Знаю, что проповедую втуне, но таково мое назначение.

Все твои друзья тебе кланяются и очень жалеют о преждевременной твоей кончине — между прочим и прежняя твоя приятельница, которая возвратилась из Рима, влюбленная в папу. Как это на нее похоже и как это должно тебя восхитить! Не приедешь ли для соперничества cum servo servorum dei?[3] Это было б похоже на тебя. Я всякий день стану тебя ожидать.

---

[1] Муж без страха и упрека,
Хоть он и не король, не герцог и даже не граф *(франц.)*.

[2] бывшего *(франц.)*.

[3] с рабом рабов божьих *(лат.)*.

*10. Владимир ** — своему другу.*

Выговоры твои совершеино иесправедливы. Не я, ио ты отстал от своего века — и целым десятилетием. Твои умозрительные и важиые рассуждения прииадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, ие сиимая шпаг,— нам было иеприличио таицевать и иекогда заниматься дамами. Честь имею донести тебе, теперь это все переменилось. Французский кадриль заменил Адама Смита, всякий волочится и веселится как умеет. Я следую духу времеии; ио ты неподвижен, ты ci-devant, un homme[1] стереотип. Охота тебе сиднем сидеть одному иа скамеечке оппозициоиной стороны. Надеюсь, что Z — обратит тебя на истииный путь: поручаю тебя ее ватиканскому кокетству. Что касается до меня, я совершенно предался патриаршеской жизни: ложусь спать в 10 часов вечера, езжу на порошу с здешиими помещиками, играю с старухами в бостои по копейке и сержусь, когда проигрываюсь. С Лизою вижусь каждый день — и час от часу более в нее влюбляюсь. В ней много увлекательного. Эта тихая благородная стройность в обращении, прелесть высшего петербургского общества, а между тем — что-то живое, снисходительное, добродное (как говорит ее бабушка), ничего резкого, жесткого в ее суждениях, она не морщится перед впечатлениями, как ребенок перед ревенем. Она слушает и понимает — редкое достоинство в наших женщинах. Часто удивлялся я тупости поиятия и нечистоте воображеиия дам, впрочем очень любезных. Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они прииимают или за иахальную эпиграмму, или иеблагопристойиую плоскость. В таком случае холодиый

[1] бывший, человек *(франц.)*.

вид, ими принимаемый, так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит.

Это испытал я с Еленой ***, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало. Кроме Лизы, есть у меня для развлечения Машенька ***. Она мила. Эти девушки, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее наших однообразных красавиц, которые до свадьбы придерживаются мнения своих матерей, а там — мнения своих мужей.

Прощай, мой милый; что нового в свете? Объяви всем, что наконец и я пустился в поэзию. Намедни сочинил я надпись к портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня):

Глупа как истина, скучна как совершенство.

Не лучше ли:

Скучна как истина, глупа как совершенство.

То и другое похоже на мысль. Попроси В. приискать первый стих и отныне считать меня поэтом.

. . . .

1829

Я к вам пишу

П. А. ОСИПОВОЙ

20 февраля 1826 г. Из Михайловского в Тверь

Перевод:

Сударыня,

Вот новая поэма Баратынского, только что присланная мне Дельвигом; это образец грации, изящества и чувства. Вы будете от нее в восторге.

Полагаю, сударыня, что вы теперь в Твери; желаю вам приятно проводить время, но не настолько, чтобы совсем забыть Тригорское, где, погрустив о вас, мы начинаем уже вас поджидать.

Примите, сударыня, уверение в моем глубоком уважении и совершенной преданности.

20 февр.

Будьте добры, сударыня, передать мой поклон м-ль вашей дочери, равно как и м-ль Нетти.

В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ

3 ноября 1826 г. Из Торжка в Москву

Перевод:

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т. п.— но мадригал и чувства сделались одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников — я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С. П.[1]— мой добрый ангел, но *другая* — мой демон; это как нельзя более некстати смущает меня в моих поэтических и любовных размышлениях.

Прощайте, княгиня,— еду похоронить себя среди моих соседей. Молитесь богу за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в четыре,— это будет с вашей стороны очень милым кокетством.— Вы, умеющая смастерить записочку лучше, чем покойная моя тетушка,— неужели же вы не проявите такой доброты? (NS: *записка* впредь будет синонимом *музыки.*) Итак, прощайте. Я у ваших ног и трясу вам руку на английский манер, поскольку вы ни за что не хотите, чтобы я вам ее целовал.

Торжок, 3 ноября.

Достаточно ли обиняков? Ради бога не давайте ключа к ним вашему супругу. Решительно восстаю против этого.

[1] Это, само собою разумеется, не Сергей Пушкин. *(Прим. Пушкина.)*

А. Н. ВУЛЬФУ

27 октября 1828 г. Из Малинников в Петербург

Тверской Ловелас С.-Петербургскому Вальмону здравия и успехов желает.

Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, все обстоит благополучно. Меня приняли с достодолжимым почитанием и благосклонностью. Утверждают, что вы *гораздо хуже меня* (в моральном отношении), и потому не смею надеяться на успехи, равные вашим. Требуемые от меня пояснения насчет вашего петербургского поведения дал я с откровенностью и простодушием, отчего и потекли некоторые слезы и вырвались некоторые недоброжелательные восклицания, как например: *какой мерзавец! какая скверная душа!* — но я притворился, что их не слышу. При сей верной оказии доношу вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться.

Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукопожатие баронессе etc.

27 окт.

П. А. ОСИПОВОЙ

3 ноября 1828 г. Из Малинников в Тригорское

Перевод:

Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостаиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришел к вам — но ночь внезапно

застала меня средн монх мечтанн. Здоровье мое удовлетворнтельно, насколько это возможно.

Итак, до завтра, сударыня, н благоволнте еще раз прннять мою нежную благодарность.

3 ноября.

А. А. ДЕЛЬВИГУ

Середина ноября 1828 г. Из Малинников в Петербург

Ответ Катеннну

Напрасио, пламеииый поэт,
Свой чудный кубок мие подиосишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, ио лукавый,
Твой кубок полои ие виином,
Но упоительиой отравой:
Ои замаиит меия потом
Тебе вослед опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подиосит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воииствеиный угар
Его иа месте ие подкосит?
Я сам служивый — мие домой
Пора убраться иа покой.
Останься ты в строях Париаса;
Пред делом кубок иаливай
И лавр Кориеля или Тасса
Один с похмелья пожииай.

А. П.

Вот тебе в «Цветы» ответ Катеннну вместо ответа Готовцовой, который не готов. Я совершенно разучнлся любезнннчать: мне так же трудно проломать мадрнгал, ⟨— — —⟩. А все Софья Остафьевна вннновата. Не знаю,

долго ли останусь в здешнем краю. Жду ответа от Баратынского. К новому году, вероятно, явлюся к вам в Чухландию. Здесь мне очень весело. Прасковью Александровну я люблю душевно; жаль, что она хворает и все беспокоится. Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито; скажи это графу Хвостову. Петр Маркович здесь повеселел и уморительно мил. На днях было сборище у одного соседа; я должен был туда приехать. Дети его родственницы, балованные ребятишки, хотели непременно туда же ехать. Мать принесла им изюму и черносливу и думала тихонько от них убраться. Но Петр Маркович их взбуторажил, он к ним прибежал: дети! дети! мать вас обманывает — не ешьте черносливу; поезжайте с нею. Там будет Пушкин — он весь сахарный, а зад его яблочный; его разрежут, и всем вам будет по кусочку — дети разревелись; не хотим черносливу, хотим Пушкина. Нечего делать — их повезли, и они сбежались ко мне облизываясь — но, увидев, что я не сахарный, а кожаный, совсем опешили. Здесь очень много хорошеньких девчонок (или девиц; как приказывает звать Борис Михайлович), я с ними вожусь платонически, и оттого толстею и поправляюсь в моем здоровье — прощай, поцелуй себя в пупок, если можешь. Сестра просит для своего *Голубчика* моего *Ворона*; как ты думаешь. Пускай шурин гравирует, а ты печатай. Vale et mihi favere [1], как Евгений Онегин. Баронессе не говорю ничего — однако ж целую ручку, но весьма чопорно.

---

[1] Будь здоров и благосклонен ко мне *(лат.)*.

А. А. ДЕЛЬВИГУ

26 ноября 1828 г. Из Малинников в Петербург

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была б всегда опроверженьем
Его печальной клеветы.

Вот тебе ответ Готовцовой (черт ее побери), как ты находишь ces petits vers fraids coulants.[1] Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает — ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает. Правда ли, что ты едешь зарыться в смоленской крупе? видишь, какую ты кашу наварил. Посылаешь меня за Баратынским, а сам и драла. Что мне с тобою делать? здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина», и стращают мною ребят, как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роберт — и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока — скажи это на-

---

[1] Эти холодные и гладенькие стишки *(франц.)*.

шим дамам; я приеду к ним омолодившийся и телом и душою ⟨———⟩ полно. Я что-то сегодня с тобою разоврался.

26 ноября.

Что «Илиада» и что Гнедич?

А. Н. ВУЛЬФУ

16 октября 1829 г. Из Малинников в Петербург

Проезжая из Арзрума в Петербург, я своротил вправо и прибыл в Старицкий уезд для сбора некоторых недоимок. Как жаль, любезный Ловлас Николаевич, что мы здесь не встретились! то-то побесили б мы баронов и простых дворян! по крайней мере честь имею представить Вам подробный отчет о делах наших и чужих.

I) В *Малинниках* застал я одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром. Она приняла меня с обыкновенной своей любезностию и объявила мне следующее:

a) Евпраксия Николаевна и Александра Ивановна отправились в Старицу посмотреть новых уланов.

b) Александра Ивановна заняла свое воображение отчасти талией и задней частию Кусовникова, отчасти бакенбардами и картавым выговором Юргенева.

c) Гретхен хорошеет и *час от часу делается невиннее.* (Сейчас Анна Николаевна объявила, что она того не находит.)

II) В *Павловском* Фридерика Ивановна страждет флюсом; Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи следующим образом:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.

Не правда ли, что это очень мило.

III) В *Бернове* я не застал уже толсто ⟨— — —⟩ Минерву. Она с своим ревнивцем отправилась в Саратов. Зато *Netty,* нежная, томная, истерическая, *потолстевшая Netty* — здесь. Вы знаете, что Миллер из отчаяния кинулся к ее ногам, но она сим не тронулась. Вот уже третий день как я в нее влюблен.

IV) *Разные известия.* Поповна (ваша Кларисса) в Твери. Писарева кто-то прибил, и ему велено подать в отставку. Князь Максютов влюблен более чем когда-нибудь. *Иван Иванович* на строгом диете (⟨— — —⟩ своих одалисок раз в неделю). Недавно узнали мы, что *Netty,* отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. Постараюсь достать (как памятник непорочной моей любви) сосуд, ею освященный... Сим позвольте заключить поучительное мое послание.

16 октября.

Ф. Н. ГЛИНКЕ

12—13 августа 1830 г. (?) В Твери (?)

А. Пушкин просит Ф. Н. Глинку уделить ему несколько минут.

Ф. Н. ГЛИНКЕ

21 ноября 1831 г. Из Петербурга в Тверь

Милостивый государь
Федор Николаевич,

Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные цветы». Изо всех друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне; именно тех двух поэтов, с коими, после

лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи. Может быть, увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое сим желанием. Весь Ваш без церемонии

А. Пушкин.

21 Н.

Н. Н. ПУШКИНОЙ

20 августа 1833 г. Из Торжка в Петербург

Торжок. Воскресение.

Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастию ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вче-

ра прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии. Ямщики закладывают коляску шестерней, стращая меня грязными, проселочными дорогами. Коли не утону в луже, подобно Анрепу, буду писать тебе из Яропольца. От тебя буду надеяться письма в Симбирске. Пиши мне о своей груднице и о прочем. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай 26-го. Да бишь! не с кем. Однако все-таки не кокетничай. Кланяюсь и целую ручку с ермоловской нежностию Катерине Ивановне. Тебя целую крепко и всех вас благословляю: тебя, Машку и Сашку.

Кланяйся Вяземскому, когда увидишь, скажи ему, что мне буря помешала с ним проститься и поговорить об Альманахе, о котором буду хлопотать дорогою.

Н. Н. ПУШКИНОЙ

21 августа 1833 г. Из Павловского в Петербург

Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска: между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решился их посетить. В 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне, как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались; из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой

и съездил в Малниники; но и та уж подо миою ие пляшет, ие бесится, а в Малиииниках вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш etc живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который попотчевал меия шнапсом. Вельяшева, миою иекогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ией ие поеду, зиая, что тебе было бы это ие по сердцу. Здесь объедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасеи. Миого спрашивают меия о тебе; так же ли ты хороша, как сказывают — и какая ты: *брюнетка* нлн *блондинка, худенькая* илн *плотненькая?* Завтра чем свет отправляюсь в Ярополец, где пробуду иесколько часов, и отправлюсь в Москву, где, кажется, должеи буду остаться дня три. Забыл я тебе сказать, что в Ярополье (виноват: в Торжке) толстая M-lle Pojarsky, та самая, которая варит славиый квас н жарнт славные котлеты, провожая меия до ворот своего трактира, отвечала мие иа мои иежиости: стыдио вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я встретя ее (?) ахиула. А иадобно тебе зиать, что M-lle Pojarsky нн дать ни взять M-me George, только иемного постаре. Ты видншь, моя женка, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольиа лн ты? будьте здоровы все; помнит ли меия Маша, и нет лн у ией иовых затей? Прощай, моя плотиенькая брюиетка (что ли?). Я веду себя хорошо, н тебе ие за что иа меня дуться. Пнсьмо это застанет тебя после твонх имеиии. Гляделась ли ты в зеркало, и увернлась лн ты, что с твоим лнцом ничего сравннть нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица. Прощай, мой аигел, целую тебя крепко.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

3 июня 1834 г. Из Петербурга в Тверь

С живейшей благодарностью получил я письмо Ваше 30 марта и рукопись о Пугачеве. Рукопись была уже мне известна, она сочинена академиком Рычковым, находившимся в Оренбурге во время осады. В вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непременно воспользуюсь.

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая Вам представиться и благодарить Вас, во-первых, за то истинное наслаждение, которое доставили Вы мне Вашим первым романом, а во-вторых, и за внимание, которого Вы меня удостоили.

С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в альманахе Максимовича. Скоро ли он выйдет? и как Вы думаете его выдать — ради бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многочисленных Ваших читателей и почитателей.

С глубочайшим и проч.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

20 (?) мая 1836 г. В Тверь

Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преследует.— Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство.— Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути; покамест поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно вас уважающий

Пушкин.

Несколько раз проезжая через Тверь... *

В. И. Колосов

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1827 ГОДУ

А. С. Пушкин не один раз был в Тверской губернии. Несколько раз проезжал он через нее во время своих поездок по России,— раз ночевал он при этом в самой Твери, провел одну ночь в Торжке и пробыл несколько дней в Старице и очевидно довольно хорошо познакомился с удобствами и неудобствами путешествия по Тверской губернии, что выразилось в его стихотворном письме С. А. Соболевскому.

Здесь мы читаем:

У Гальони иль Кальони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони,
Да яичницу свари [1].
На дороге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай [2]
И отправься налегке.

---

* В материалах этого раздела сохранены сокращения слов, орфография и пунктуация первых авторских публикаций. *(Примеч. сост.)*

К этому добавляет: «На каждой стаиции советую из коляскн выбрасывать пустую бутылку; таким образом ты будешь иметь от скуки какое-ибудь заиятие».

Кроме этих кратких побывок в Тверской губериии, мимолетиые впечатления от которых Пушкин и выразил в этом шутливом стихотворении, ои два раза проживал в Тверской губернии по иескольку недель. Из этих его пребываиий в Тверской губериии по письмам его и другим источникам доселе известио одно продолжительиое пребывание его в Малиииниках, помещичьем имеиии Старицкого уезда близ села Бериова. Это было в 1828 году, и иа этот раз ои провел здесь конец октября и весь ноябрь, а может быть и более, что ясио вндно из дат его писем. В это время и случилась с иим здесь история, так мастерски и весело рассказаиная им в письме к бароиу Дельвигу. Это свое пребываиие в Тверской губериин наш геиальиый поэт ознаменовал несколькими своимн творениями. В Малинииках в это время ои иаписал Посвящеиие Полтавы, коичил VII песиь Оиегииа, иаписал Анчар, Опричиик, Утоплеииик, Коирад Валлеирод, Подражание Аиакреоиу и др. меиее значительиые произведения. Это пребываиие Пушкииа в Малинииках оставило в ием навсегда самое приятиое воспоминаиие, что ои и выразнл в следующем шутливом экспромте-двустишии:

Хоть малииой ие кормите,
Но в Малиииики возьмите [3].

Кроме этого продолжительного пребываиия его в Малиииииках, как это вндио из его писем, он заезжал сюда иа короткое время в половние октября 1829 года, при возвращеиии своем из Арзерума. В этот раз он был и в соседнем с Малиииииками сельце Павловском. В Павловское заезжал он н в 1833 году, и провел здесь на этот раз должио быть несколько дией,— «здесь объедаюсь я вареиьем и проиграл три рубля в двадцать

четыре робберта в вист» — писал он отсюда в это время своей жене. Все эти заезды А. С. Пушкина в Тверскую губернию, равно как и двухнедельное пребывание в сельце Павловском, о котором мне удалось собрать несколько сведений, связывались с общеизвестной семьей П. А. Осиповой. Первым мужем ее был Николай Иванович Вульф. Он был сын Ивана Петровича Вульф, очень богатого помещика Тверской губернии, у которого кроме него были еще дети: Павел, Иван и Петр. Дети после отца разделили наследство, и Павел Иванович получил сельцо Павловское, Иван Иванович — Берново, а Малиники достались Николаю Ивановичу. Сюда и заезжала иногда Пр. Ал. Осипова, как в принадлежавшую ее детям вотчину. Вместе с ней заезжал сюда и Пушкин, находившийся к этой семье в таких близких отношениях. Здесь он познакомился и с родственником Осиповой по мужу, Павлом Иван. Вульф, человеком в высшей степени добродушным и гуманным. Несмотря на большую разницу лет, они скоро сошлись, и сам Пушкин в одном письме своем к жене пишет о нем: «приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне как родному».

К нему-то, а не к Эгельстрому, как говорится в примечаниях к изданию Литер. фонда [4], и заезжал при каждом удобном случае Пушкин, как это ясно видно из его писем [5]. О двухнедельном пребывании А. С. Пушкина в сельце Павловском у Павла Ивановича Вульф, пребывании, неизвестном, кажется, ни одному из биографов Пушкина, нам и удалось собрать несколько небезынтересных сведений от одной старушки, проживающей в настоящее время в Твери, о которой мы узнали совершенно случайно.

Старушка эта — Катерина Евграфовна Синицына, вдова священника Затьмацкой Покровской церкви, имеющая в настоящее время 76 лет от роду. Отец ее, священник Тверской Козьмодемьяновской церкви,

Евграф Андреевич Смирнов, был уроженцем села Бернова, вотчины Ивана Петровича Вульф; товарищ детских игр всех детей его. Отсюда и возникли теплые отношения к нему и его семье всех Вульфов, все усиливавшиеся еще тем, что он, будучи знатоком гражданских законов, неоднократно хлопотал по их делам в тверских судебных местах. Поэтому-то по смерти его Павел Иванович Вульф и предложил вдове его отдать ему на воспитание 11-летнюю сироту Катерину Евграфовну. Та согласилась. Так Катерина Евграфовна и попала в семью Павла Ивановича Вульф. И Павел Иванович, и жена его, Фредерика Ивановна, сначала хотели воспитать ее как барышню, выучить ее языкам и т. п., но по совету одной барыни ограничились только тем, что выучили ее читать, писать, немного арифметике, свящ. истории и еще кой-чему другому, но относились к ней всегда с полною добротою, как дочери,— «дочкой своей» неоднократно и называл Павел Иванович. Пробыв здесь три года, она взята была матерью своею к себе в Тверь, но иногда ездила гостить к Павлу Ивановичу в Павловское, где и встречала всегда по-прежнему самый радушный прием. В одно из своих таких пребываний в Павловском она и столкнулась с А. С. Пушкиным и провела с ним под одной кровлей целые две недели.

О впечатлениях своих от этого столкновения с А. С. Пушкиным она и рассказала нам, насколько они сохранились в ее памяти. Я постарался воспроизвести ее рассказ с полною его безыскусственностью. Вот он:

«В январе 1826 или 1827 года приехала я в Старицу вместе с семейством Павла Ивановича Вульф. Тут на семейном бале у тогдашнего старицкого исправника, Василия Ивановича Вельяшева, женатого на сестре Павла Ивановича, Наталье Ивановне, я и встретила в первый раз А. С. Пушкина. Я до этого времени не знала Пушкина и ничего про него не слыхала и не

поннмала его значення, но он прямо бросился мне в глаза. Показался он мне нностранцем, таицует, ходит както по особому, как-то особенно легко, как будто летает; весь какой-то воздушный с большнмн иогтямн иа руках.

«Это не русскнй?» — спроснла я у матерн Вельяшева, Катерины Петровны. «Ах, матушка! Это Пушкнн, сочинитель, прекрасиые стнхн пншет»,— отвечала она. Здесь мие не пришлось познакомнться с Александром Сергеевичем. Заметила я только, что Пушкни с другнм молодым человеком постоянно вертелнсь около Катерины Васнльевны Вельяшевой. Оиа была очень мнленькая девушка; особенио чудные у иее былн глаза. Как говорнлн после, онн старалнсь ие оставлять ее наеднне с Алексеем Нннколаевнчем Вульф, который любнл влюблять в себя молоденькнх барышень и мучить их. Чрез два дня поехалн мы в Павловское. Пpнехали сюда так к обеду; следом за намн к вечеру приехал н Александр Сергеевнч вместе с Алексеем Николаевнчем Вульф и пробыли в Павловске две иеделн. Тут мы с Александром Сергеевнчем сошлнсь поблнже. На другой деиь селн за обед. Подалн картофельиый клюквеиный кнсель. Я н вскрнкнула на весь стол: «Ах! Боже мой! Клюквеиный кнсель!»

«Павел Ивановнч! позвольте мне ее поцеловать»,— проговорил Пушкни, вскочнв со стула.

«Ну, брат, это уже ее дело»,— отвечал тот.

«Позвольте поцеловать вас»,— обратился он ко мне.

«Я не намерена целовать вас»,— отвечала я как вполне благовоспнтаиная барышня.

«Ну, позвольте хоть в голову»,— н, взяв голову рукамн, прнгнул н поцеловал.

Прасковья Александровиа Оснпова, вместе с своей семьей бывшая в одно время с Пушкниым в Малнннниках нлн Бернове, высказала иеудовольствие иа то, что тут, иаравне с ее дочерьмн, вращается в обществе какая-то

поповна. «Павел Иванович,— говорила она,— всем открывает в своем доме дорогу, вот какую-то поповну поставил на одной ноге с нашими дочерьми». Все это говорилось по-французски, я ничего и не знала, и только после уже Фредерика Ивановна рассказала мне все это. «Прасковья Александровна осталась очень недовольна,— говорила она, между прочим,— но спасибо Александру Сергеевичу, он поддержал нас». Когда вслед за этим пошли мы к обеду, Александр Сергеевич предложил одну руку мне, а другую дочери Прасковьи Александровны, Евпраксии Николаевне, бывшей в одних летах со мной; так и отвел нас к столу. За столом он сел между нами и угощал с одинаковой ласковостью как меня, так и ее. Когда вечером начались танцы, то он стал танцевать с нами по очереди,— протанцует с ней, потом со мной и т. д. Осипова рассердилась и уехала. Евпраксия Николаевна почему-то в этот день ходила с заплаканными глазами. Может быть и потому, что Александр Сергеевич после обеда вынес портрет какой-то женщины и восхвалял ее за красоту, все рассматривали его и хвалили. Может быть и это тронуло ее,— она на него все глаза проглядела. Вообще Александр Сергеевич был со всеми всегда ласков, приветлив и в высшей степени прост в обращении. Часто вертелись мы с ним и не в урочное время.

«Ну, Катерина Евграфовна, нельзя ли нам с вами для аппетиту протанцевать вальс-казак. Ну, вальс-казак то мы с вами, Катерина Евграфовна, уж протанцуем»,— говаривал он до обеда или во время обеда или ужина.

Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время

сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: «Ну, разве можно так обыгрывать учителя?» А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его. «Никогда не буду играть с вами... это ни на что не похоже»,— загорячится обыкновенно при этом Пушкин.

Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке.

Пушкин был очень красив; рот у него был очень прелестный с тонко и красиво очерченными губами и чудные голубые глаза. Волосы у него были блестящие, густые и кудрявые, как у мерлушки, немного только подлиннее. Ходил он в черном сюртуке. На туалет обращал он большое внимание. В комнате, которая служила ему кабинетом, у него было множество туалетных принадлежностей, ногтечисток, разных щеточек и т. п.

Павел Иванович был в это время много старше его, но отношения их были добродушные и искренние.

«На Павла Ивановича упади стена, он не подвинется, право не подвинется»,— неоднократно, шутя, говорил Пушкин. Павел Иванович, действительно, был очень добрый, но флегматичный человек, и Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить его и бывал в большом восторге, когда это удавалось ему.

Был со мной в это время и такой случай. Один из родственников Павла Ивановича пробрался ночью ко мне в спальню [6], где я спала с одной старушкой-прислугой.

Только просыпаюсь я, у моей кровати стоит этот молодой человек на коленях и голову прижал к моей голове...

«Ай! Что вы?» — закричала я в ужасе.

«Молчите, молчите, я сейчас уйду»,— проговорил он и ушел.

Пушкин, узнав это, остался особенно доволен этим и после еще с большим сочувствием относился ко мне.

«Молодец вы, Катерина Евграфовна, он думал, что ему везде двери отворены, что нечего и предупреждать, а вышло не то»,— несколько раз повторял Александр Сергеевич. Задал этому молодцу нагоняй и Павел Иванович.

Узналось это так. Загадала Фредерика Ивановна мне на картах: «Ты оскорблена, говорит, трефовым королем». Я и заплакала и рассказала все.

Все относились к Александру Сергеевичу с благоговением. Все барышни были от него без ума. Павел Иванович считал его посещение за большое удовольствие и честь для себя. Уехал Александр Сергеевич в Москву, кажется, и приехал сюда оттуда же, и даже в это время едва ли не в Москву же уезжал он на несколько дней».

Кроме этого Катерина Евграфовна сообщила еще некоторые сведения о Марье Васильевне Борисовой, о которой Пушкин дает такой восторженный отзыв.

«Марья Васильевна Борисова была сирота, дочь помещика, близкая моя подруга, несколько постарше только. Была она очень красивая, имела выразительные глаза и черные волосы. Воспитана она была просто. Мать ее сильно выпивала.

Через несколько лет встретила я в Торжке у Львова А. П. Керн, уже пожилою женщиною. Тогда мне и сказали, что это героиня Пушкина — Татьяна.

...и вслед выше
И нос, и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.

Эти стихи, говорили мне при этом, написаны про ее мужа, Керн, который был пожилой, когда женился на

ней. Анна Нколаевна Вульф, по моему мненню, не подходнт к Татьяне, она была уже зрелая, здоровая такая, когда я ее вндела».

Вот н все, что рассказала мне названная мною старушка. Рассказ этот не сложен н не особенно богат фактамн, но нельзя отказать ему в том, что он сообщает несколько новых н любопытных подробностей жнзнн н характера нашего велнкого поэта. На основанни этого рассказа должно установнть, во-первых, тот, еще неизвестный бнографам Пушкнна факт, что Александр Сергеевнч в январе 1827 г. провел две неделн в сельце Павловском, Тверской губерннн, в доме Павла Ивановнча Вульф. Старушка, правда, не говорнт этого с полною решнтельностью, но только к этому выводу н можем мы прндтн на основанни ее рассказа н уже нмеющнхся готовых данных о Пушкнне. Она твердо помннт, что был Пушкнн в сельце Павловском вместе с А. Н. Вульф, и нменно в январе, а в 1828 г. он с глубоким комнзмом доносит этому Вальмону о положенин его сердечных нсторнй. В 1829 г. Вульфа тоже не было в Павловске вместе с Пушкнным, н «поповна», наша рассказчнца, по пнсьму его, Вульф, была в это время в Тверн. Он называет ее тут «ваша Кларнсса», очевндно, намекая на однн нз рассказанных намн фактов. Нккогда н после этого Пушкин н Вульф не съезжалнсь вместе в Тверской губерннн, так что это пребыванне Пушкнна в сельце Павловске только н могло нметь место тогда, так как Пушкнн получнл право свободного выезда нз деревнн только в декабре 1826 г.; прнехать же в Павловское без разрешення в январе 1826 г., тотчас после бунта декабрнстов, в сочувствнн к которому он подозревался, Пушкнн положительно не мог. Едннственное печатное указанне на эту поездку можно находнть в следующнх стнхах его, посвященных Катерине Васнльевне Вельяшевой...

По прежню следу
В ваши мирные края
Чрез год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Это стихотворение написано Пушкиным между 15 июня и 3 октября 1828 г. Этот наш вывод, повидимому, противоречит решительному утверждению Анненкова, что всю зиму 1827 г. Пушкин провел в Москве. Но из писем Пушкина видно, что он и в этом году выезжал из Москвы и был во Пскове; впрочем, и сам Анненков, переставляя даты некоторых писем этого года, повидимому, сознавал противоречие этого своего утверждения с данными переписки.

Общеизвестный факт, что пребывание в деревне имело на Пушкина самое плодотворное влияние. Здесь он, утомленный душной атмосферой большого света, отдыхал душой. Здесь он, как Антей, прикасаясь к нашей общей матери русской земле, получал новые силы для своего вдохновенного творчества. Нельзя не отметить, что точно такое же влияние производило на него и пребывание в Тверской губернии. Окруженный полным и искренним вниманием со стороны всех соприкасавшихся с ним, вниманием, доходившим иногда до благоговения пред его личностью и творчеством, он всегда находился в самом лучшем и бодром настроении духа, что ясно видно из его писем, написанных из Тверской губернии. В них он всегда весел, остроумен и игрив. Полный сознания равновесия душевных сил, он и в отношении к другим являлся здесь всегда гуманным, ласковым, добрым и предупредительным. Здесь не было и тени той раздражительности и того едко-беспощадного остроумия, которым он навлекал на себя немало неприятностей, живя в больших городах. Неудивительно поэтому, что Александр Сергеевич показался нашей старушке таким красавцем,— таким он и выглядел обыкновенно, когда бывал в ясном и спокойном состоя-

нии духа, как об этом свидетельствуют и другие его современники. Все это дает нам возможность яснее воспроизвести светлую нравственную физиономию нашего гениального поэта, которая так часто потемнялась от душевного разлада, возникавшего в душе его, вследствие более сильного несоответствия запросов его мощного духа с явлениями светской жизни больших городов.

Какою добротою и гуманностью проникнуты его отношения к нашей рассказчице! Как умно, чисто по-пушкински ответил он на нападки на нее во имя породы со стороны породистой барыни! Такое гуманное отношение гениального поэта к этой сироте, ничтожной с точки зрения породы, по всей справедливости, заставляет призадуматься и вообще над упреками Пушкину в аристократизме. В самом деле, не нужно забывать, что знаменитая в этом отношении его «родословная» направлена им не против низших, а против высших, против людей, выдававшихся не умом и дарованиями, словом, против потомков, «известной подлостью прославленных отцов». Не нужно забывать, что рука же Пушкина писала и эти стихи, особенно выразительно характеризующие его отношение к низшим:

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой.
Здесь барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
  Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти развратного злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою множить

Дворовые толпы измученных рабов...
О, еслн-б голос мой умел сердца тревожить!
....
Увнжу-ль я, друзья, народ неугнетенный
И рабство падшее по манню царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет лн, наконец, прекрасная заря.

Сообщенне старушкн о том, что орнгнналом Татьяны была для поэта Анна Петровна Керн, расходнтся с общераспространеннымн, хотя н ие установившнмнся мненнямн по этому предмету. П. В. Анненков внднт в Татьяне н Ольге отраженне Анны Нnколаевны н Евпракснн Нnколаевны Вульф; другне указывают на какую-то одесскую Татьяну, о которой пншет Пушкнну Раевский; за последнее время стало распространяться мненне, что прототнпом Татьяны послужнла графння Воронцова, к которой Пушкнн чувствовал какое-то особое благоговенне. Что касается несложного образа Ольгн, то мненне Анненкова едва лн не вполне справедлнво; по крайней мере, оно находнт себе полное подтвержденне в экземпляре 4-й н 5-й глав «Евгення Онегнна», подаренном Пушкнным Евпраксин Нnколаевне 22 февраля 1828 года с собственноручной подпнсью: «Твоя от твонх». Находнт это мненне подтвержденне себе и в стнхотвореннях, посвященных поэтом Евпракснн Нnколаевне. Выработка же дивного н более сложного образа Татьяны несомненно требовала от автора н большого труда, н матернала. Тайны творчества лучшнх поэтнческнх образов, без сомнення, трудно уловнмы и едва лн не навсегда останутся тайною, но, кажется, самое лучшее не стараться прнурочнть этот в высшей степенн сложный н законченый лнтературный тнп к одной определенной лнчностн. Едва лн поэт не совместнл в этом лучшем нз женскнх тнпов русской лнтературы характерных черт лучшнх женщнн, встреченных нм в тогдашней русской жнзни. С этой

точки зрения с полным удобством и вероятностью могут быть примирены все эти, с первого взгляда столь многоразличные, показания относительно данного предмета. С этой точки зрения получает свою долю ценности и сообщение нашей старушки относительно Анны Петровны Керн, тем более, что в данном случае она является выразительницей мнения об этом предмете тогдашнего общества, близко интересовавшегося судьбами и творчеством поэта. Судя по прекрасному и прочувствованному стихотворению Пушкина, посвященному Анне Петровне Керн, можно заключить, что она относится к плеяде лучших женщин, возбуждавших в поэте идеальные чувства. Говорим это, не смотря на то, что г-н Незеленов чуть не в целой особой главе своего сочинения силится, по нашему мнению, безуспешно, доказать низменность чувства поэта к той женщине [7]. Сходство участи Анны Петровны Керн, красавицы, в молодых летах выданной за пожилого генерала, с участью Татьяны просто соблазнительно и едва ли не подтверждает сообщения старушки, что Анна Петровна Керн послужила одной из точек отправления для создания чудного образа Татьяны.

В заключение не можем не высказать надежды, что будущее, может быть, подарит нас открытием новых следов величайшего русского поэта на тверской почве. Одно из основных свойств великих людей то, что они проницают величием своего духа едва ли не каждый шаг своей жизни, и в жизни их, стало быть, нет мелочи, которая бы не заслуживала нашего внимания.

Ознакомившись с подробностями пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Тверской губернии, мы решились посетить самые места, где в не особенно давние времена бывал наш великий поэт. Побывали

мы при этом в Малинниках, Павловском и Бернове; но немного нашли мы здесь следов великого человека,— так быстро изглаживает их наша жизнь. В Малинниках цел еще дом, в котором гостил некогда Александр Сергеевич. Теперь это поместье, за смертью А. Н. Вульфа, принадлежит сыну Евпраксии Николаевны — барону Вревскому. Осмотрели мы этот дом, в одной половине которого живет теперь управляющий Вревского; нам не показали при этом даже комнаты, которую занимал некогда А. С. Пушкин. Павловское, по смерти умершего в бедности Павла Ивановича Вульфа, перешло уже в третьи руки, и самый дом, в котором гостил некогда А. С. Пушкин, представляет уже развалину, правда довольно живописную; очевидно, что недалеко уже время, когда исчезнет и этот последний свидетель пребывания здесь Пушкина. За полгода до нашего приезда сюда умер в Малинниках и повар Сидор, видавший здесь Пушкина и помнивший его.

Несколько небезынтересных сведений получил я только в селе Бернове от почтеннейшего Николая Ивановича Вульфа, сына Ивана Ивановича, к которому мы явились с рекомендацией от председателя Тверской архивной комиссии А. К. Жизневского. Николай Иванович неоднократно видал А. С. Пушкина в селе Бернове, где он не один раз гостил по одному, по два дня, но ему было в то время только 12 лет, и поэтому только немногое сохранилось в его памяти.

По его словам, А. С. Пушкин писал свои стихотворения обыкновенно утром, лежа на постели, положив бумагу на подогнутые колени. В постели же он пил и кофе. Не один раз писал так Александр Сергеевич тут свои произведения, но никогда не любил их читать вслух для других. Однажды мать Николая Ивановича долго и сильно упрашивала Александра Сергеевича прочесть вслух что-нибудь из своих стихов. После долгих отказов, Александр Сергеевич, повидимому,

согласился и пошел за книгой; придя с книгой, он уселся и начал, к ее удивлению и разочарованию, читать по стихам псалтырь. Не один раз видел Николай Иванович, как Пушкин большими шагами ходил по гостиной, обыкновенно вполголоса разговаривая со своим собеседником, чаще, впрочем, с собеседницей. Сообщил он мне и предание, по которому сюжет «Русалки» Пушкину подала судьба дочери одного мельника их имения. По этому преданию дочь этого мельника была влюблена в одного барского камердинера; этого камердинера за какую-то вину барин отдал в солдаты, и она с отчаяния утопилась в мельничной плотине. Нас приводили на эту плотину и показали сам омут, в котором, по преданию, она утопилась. Действительно, вид запущенной, со всех сторон поросшей лесом, плотины с глубоким бездонным омутом среди ее, в связи с этим преданием о судьбе дочери мельника, мог запасть в чуткую душу поэта, но за полную достоверность этого предания все-таки поручиться довольно трудно. Анна Ивановна Вульф, о которой Пушкин в одном из своих писем пишет: Ecce Foemina — родная сестра Николая Ивановича и, по его словам, была очень умная, образованная и симпатичная девушка и при всем этом красавица.

Благодаря полному радушию и гостеприимству хозяев, осмотрели мы и замечательный сад, находящийся при поместьи Николая Ивановича. Сад этот, раскинутый, как говорят, на 12 десятинах и заключающий в себе немалое число вековых деревьев, составляет, действительно, лучшее фамильное достояние. Здесь нам показали небольшую горку, живописно поросшую разного рода деревьями, кем-то и когда-то прозванную Парнасом. Не раз, вероятно, побывал на этом Парнасе и светило нашей поэзии А. С. Пушкин, и не один раз, вероятно, поэтический замысел вызрел здесь в его мощном духе. Несколько поколений дворянских, стараясь

оставить после себя какой-либо след в этом саду, вырезало что-либо иа миогочисленных деревьях этого сада. Мы искали среди этих, иаполовиину уже заросших вырезок какого-либо следа великого поэта, ио иашли только две с трудом разбираемые строчки, гласящие: «Прости! Как страшно это слово!» Кем и когда были иачерчены эти слова, этого нам иикто объясиить ие был в состояиии.

В поместье Нивы, принадлежавшем иекогда Федору Иваиовичу Вульфу, встретили мы одного дворового человека, видевшего в Малинииках и Тригорском А. С. Пушкииа. Но он, несмотря иа все иаши расспросы, сообщил иам очеиь иемиого сведеиий. «Хороший был барии,— говорил он нам про Пушкииа,— редкий человек... с Алексеем Николаевичем большие оии приятели были... Любили они посмеяться... Никого иикогда ие обижали». Вот иесколько отрывочиых фраз, сказаииых им про А. С. Пушкииа.

Вот и все, что мы могли собрать иа месте, иекогда посещениом иашим великим поэтом. Хотелось иам приобрести вид с домов в Павловском и Малиииниках, в которых ие раз бывал Пушкии, но за иеумением рисовать, иам пришлось отказаться от этого иамереиия.

1888

---

[1] Итальянец Гальонн, правильнее Гальянн, нмел в то время в Тверн ресторан нлн гостнннцу, которая н счнталась тогда лучшею. В ней н останавлнвалнсь обыкновенно более состоятельные проезжающне. По этому ресторану в Тверн н доселе называется Гальянова улнца, на левом углу которой, рядом с Мнроносицкой улнцей, н стоял этот ресторан. Здесь-то неоднократно бывал н Пушкнн, н здесь-то когда-ннбудь он н ел этн так запомннвшнеся ему «с пар-

мезаиом макароии», как он называет их, очевндио передразнивая нностранное произношенне хозяина ресторана. Одиа современиица Пушкина, с которой познакомил нас А. К. Жизневский, передавала нам недавно, что одиажды её муж, тогда еще молодой человек, 16-тн лет, встретнл здесь Пушкина н рассказывал об этом так: «Я сейчас видел Пушкииа. Ои сидит у Гальянн на окие, поджав иоги н глотает персикн. Как ои напомнил мне обезьяну!» Любопытио, как быстро ннтеллигеитиый подросток того времени старался отысквть в Пушкине обезьяну.

[2] Пожарская содержала в то время гостнницу илн постоялый двор в Торжке и славилвсь своим искусством готовнть особенно вкусные котлеты. Ее рецепт котлет встречается в старинных кулннврных книгвх под названием котлет пожарскнх. Рассказывают, что её даже вызывал из Петербурга нмператор Николай Павлович, чтобы она выучила его повара готовить такне котлеты. И у иеё ие раз остаиавлнввлся Пушкнн, когда проезжал через Торжок.

[3] Со слов современницы Пушкина.

[4] Смотрн нзд. Лнт. фонда, т. VII, стр. 213, 318 н др. Это отчастн видио н нз самнх писем Пушкииа.

[5] П. И. Эгельстром был помещнк Тверской губеринн,— имение его было в селе Пречнстой Каменке Новоторжского уезда. Он был родом швед, плохо говорнл по-русскн, но с усердием, заслуживающнм лучшей участн, пнсал, как он говорнл, «штыхн» на русском языке. Возле Пречнстой Камеики жнл и другой помещик Копылов, большой зубосквл, потешавшийся над Эгельстромом. Эгельстром в одно из пребываний А. С. Пушкниа в Тверской губерини и заявнлся к нему в качестве собрата по поэзии, предъявив иа его усмотренне пронзведення своей музы. Должно быть при этом он жаловался на несносые обиды завистннкв своего Копылова. По этому-то поводу Пушкии н посвятил ему свое саркастнческое стнхотворенне, где он, между прочим, пишет:

О, Эгельстром! Я восхищениый
Читал творення твои:
Твой стнх, лишь геннем внушениый,
Блестит, как солнце в ясиы дии.
. . . .

Поэт, сын Феба вдохновенный,
Как мил для нас твой каждый стих.
Скажи, почто певец смиренный,
От света ты скрываешь их?
Пусти в печать свои творенья,
Заслужишь множество венцов —
Мы все помрем от восхищения (т. е. от смеха)
О, Эгельстром, ты — царь певцов!

Последний стих в первоначальной редакции, говорят, читался иначе, а именно:

О, Эгельстром, ты — царь глупцов!

Насколько, действительно, этот наш местный поэт заслуживал названия «царя глупцов», видно из следующего двустишия этого «вдохновенного сына Феба», сохраненного преданием:

Ох, ты, плешивый сатана!
Любитель кушать сметана.

(Со слов купца Томилова. Это двустишье, по его словам, написано Эгельстромом на его дворецкого, которого он застал лижущим сметану при помощи пальца.)

Понятно, что с этим Эгельстромом у Пушкина не могло быть и тени тех теплых дружеских отношений, которые ясно видны из тех мест его переписки, где он упоминает Павла Ивановича Вульф.

[6] А. Н. Вульф.

[7] А. С. Пушкин в его поэзии, Незеленова, 1882 года, со стр. 233 до конца книги. Для доказательства неправильности воззрений г. Незеленова достаточно припомнить два места из прочувствованного и глубоко-поэтического стихотворения Пушкина к А. П. Керн. Решаюсь привести эти два отрывка из этого чудного стихотворения:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,

Звучал мне долго голос иежный
И синлнсь мнлые черты.
. . . .
. . . .
Душе настало пробужденье,
И вот опять явилась ты,
Как мнмолетное вндеиье,
Как гений чнстой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, н вдохновенье,
И жнзнь, н слезы, и любовь.

Что нн говори, а так не пишут и так ие чувствуют прн одной низменной страсти.

И. А. Иванов

О ПРЕБЫВАНИИ А. С. ПУШКИНА В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Пребываннем А. С. Пушкнна в нашей губерннн заннмалнсь два члена Тверской ученой архнвной комнссни: 18 мая 1888 г. Вл. Ив. Колосов прочел в комнссни по этому предмету реферат, а в настоящем году в № 68 Москов. Ведом. помещена заметка Н. Н. Овсяннникова о Малннниках, в связн с воспомннаннямн об А. С. Пушкнне. Пользуясь трудамн монх уважаемых сочленов, а частью н опнраясь на собственные, к сожалению, крайне спешные разыскання, я желал бы сообщнть Вам, в тесных пределах отмежеванного мне времени,— наиболее нНтересные сведення о местностях, посещенных Пушкнным в Тверской губерннн, н о людях, с которымн он здесь сблнжался, которых касался своим меткнм стнхом нлн не менее замечательным прозанческнм словом.

В Старицком уезде, по берегам быстрой, мелководной Тьмы, на простраистве 10 верст находились три помещичьнх усадьбы: Бериово н Малининки по краям, Павловское в середиие. Берново отстоит от Старнцы в 25 в., Малннннки — в 35. Вот эти-то места и былн осчастливлены посещениями великого иашего поэта четыре раза: в 1827, 1828, 1829 н 1833 гг. Каждый раз он проводил здесь по нескольку дией, а ниогда и неделе. В это время все три названных нмения прннадлежали Вульфам: Ив. Иван.— с. Берново, брату его Павлу — с-цо Павловское (иарочито для иего и основаиное), н племяннику нх Алексею Нниколаевнчу — д. Малииники. Но Вульфы не были прнродными старнцкими помещнками — они переселились сюда нз Псковской губернии. В первой половине прошлого столетия весь бериовскнй прнход составлял одно громадное владение иекоего Калнтина (до сего времени вся эта местиость носит названне Калитнищины). При нмператрице Елизавете Петровне Калитину сдан был удивительный подряд: засадить всю дорогу от Петербурга до Москвы липами; коиечно, подряд был не нсполнен, н имеиие Калитина отобрано в казну: вслед затем, по Высочайшему повелению, оно было передано родствеиинку Калнтина (свояку), бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу, которому пришлось заплатить в казну за 24 000 д. иаселенной земли (с крестьянами) всего лишь 500 р., так как остальные иачеты были прощены. Устроителем здесь помещичьей усадьбы должеи считаться сыи Петра, Иван, бывший орловским губернатором; под влияннем своей гордой супругн, урожденной Муравьевой, Ив. Петр. Вульф построил каменный дом на иовом месте, подальше от села; теперь барскую усадьбу отделяет от сельчан обширный сад, раскинувшийся на 12 д. Сад делится на две части,— собствеиио сад нз правильно разбитых липовых аллей и парк, похожий иа лес.

Ив. Петр. Вульф, тайн. сов. и кавалер, как гласит надпись иа портрете, умер в 1814 г. Еще при жизии он распорядился своим имуществом, выделив старшему сыиу Николаю родовое псковское имение Тригорское и старицкое Малинники. Жена Ник. Ив., Прасковья Александровна, оставшись вдовою, жила с детьми в Тригорском, которое находится верстах в трех от имения Пушкииых — Михайловского или, по простонародному названию, Зуева.

Знакомство А. С. со вдовою Вульф (вышедшею потом замуж за Осипова) и ее детьми иачалось с самых раниих лет. Сын Прасковьи Александровны Алексей был почти сверстииком Пушкина, а сестры Алексея Никол. Анна и Евпраксия делили между собою детские и юношеские симпатии поэта; им, как и их матери, Пушкин усердио посвящал свои стихотворения, собствениоручио вписывая их в альбомы. Но особениое сближение его с семейством Прасковьи Александровны произошло во время вынужденного его пребывания в Михайловском,— с 1824 по 1826 г. Редко проходил день, когда бы А. С. не навещал своих милых соседей. Прасковья Александровиа деятельно и не без успеха хлопотала о разрешении Пушкину покинуть Михайловское. Ближе всех стоял к поэту сын Праск. Алексаидровны, дерптский студеит Алексей Николаевич, что ясно видно из того места записок А. С. Пушкина, где он говорит: «В коице 1826 г. я часто видался с одним дерптским студентом. Он много знал, чему иаучаются в университетах... разговор его был прост и важен. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял». Само собой понятио, что, когда Ал. Ник. Вульф, получив отцовское имение, переселился в Малинники, Пушкин постарался тотчас его навестить. Но Малинники были не более, как только главною квартирою А. С.; по тогдашнему доброму обычаю, заезжий интересный человек, а тем более друг, был желанным гостем не

одного только семейства, но и всех его родственников и знакомых. Притом же, как бы ни был учен и глубокомыслен друг Пушкина,— воспитанник полунемецкого университета,— все же многосторонняя и требовательная натура поэта не могла удовлетвориться одними его умными беседами; особенно же было тягостно для Пушкина лишение той части общества, которую никто с таким искренним и сильным чувством не считал прекрасною, как А. С. Пушкин. Впрочем, эти стремления вполне разделял, несмотря на свою видимую серьезность,— и его друг Вульф.

Теперь Малинники очень скучное место, и думается, что оно всегда таким и было. Там нет ни парка, ни сада. Старый помещичий одноэтажный дом времен Пушкина отлично сохранился; он выстроен из корабельного леса. Посредине широкое открытое крыльцо поддерживается колоннами из толстых сосновых бревен, комнаты низкие, глубокие и мрачные; кое-где остались еще потолки с матицами; окна небольшие и их мало (не очень давно подъемные рамы заменены обыкновенными створчатыми); мебель старинная, красного дерева, кресла жесткие, неудобные, с закругленными цельными деревянными спинками; на стенах висят два-три зеркала в старинных красивых рамах красного дерева да единственный портрет прежнего владельца Малинников, Ал. Ник. Вульфа...

После смерти Ал. Ник. Вульфа село Малинники перешло к его сестре Евпраксии Никол., вышедшей замуж за барона Вревского.

Однако возвратимся к прерванному рассказу о том незабвенном прошлом, когда унылые Малинники озаряло и согревало солнце русской поэзии — А. С. Пушкин. Не подолгу засиживаясь здесь, А. С. и его друг были в постоянных разъездах по соседним помещичьим усадьбам, начиная, конечно, с родственных домов,— в Бернове и Павловском. Здесь встречала поэта доро-

гая для него и давно знакомая нравственная вульфовская атмосфера,— тонкого женского понимания его высокого призвания, самого искреннего и милого восхищения перед его талантом, глубокой, преданной, нежной дружбы, легко способной перейти в серьезную привязанность. Здесь он встречал и своих старых знакомых,— сестер А. Н. Вульфа из Тригорского, прозванных им «красавицами гор». Семейное предание Вульфов утверждает, что Пушкнн неоднократно возобновлял свое предложенне «полувоздушной деве гор» — Евпраксии Николаевне, но всякнй раз получал отказ, так как Евпр. Ник. мало надеялась на постоянство изменчнвого в чувствах поэта. Кроме Евпр. Ник., Пушкин отличал своим вннманнем ее кузин: Екатерину Вас. Вельяшеву, вышедшую замуж за Жандр, и особенно Анну Петровну Керн, урожденную Полторацкую; той н другой он посвятил прелестные стихотворения. Анну Петр. Керн счнтают прототипом Татьяны, основываясь, главным образом, на том, что ей посвящены эти прекрасные стнхн «Я помню чудное мгновенье...».

Расставаясь навсегда с гостепринмным Старицкнм уездом, поэт в 1833 г. прнслал с дороги общий прощальный привет всем прекрасным дамам, в кругу которых он здесь вращался:

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тншн!..

Но Вульфы мужчнны относнлись к великому поэту далеко не с таким энтузназмом, хотя А. С. Пушкин н делает одному нз них, нменно Павлу Иван. Вульфу, велнкую честь, выдавая его за своего сотрудника по стихотворству.

На самом деле братья Вульфы, хотя и приннмавшие А. С. Пушкина с отменным радушнем и гостепринмст-

вом, были людьмн довольно прозанческнмн н большими флегматиками. Про Павла Иваи. рассказывают, что, когда он служил еще в конно-гренадерах, то за участне в похищенин чьей-то невесты был посажен под арест, брату Ив. Ив. удалось выхлопотать ему освобождение раньше срока; когда Ив. Ив. приехал на гауптвахту, чтобы объявнть об этом брату, тот с неудовольствием сказал: «Напрасно ты, брат, беспокоился, я здесь отлично устроился». Другой подобиый рассказ относится к Федору Иванов. Вульфу. Однажды он охотился на тетеревей; вдруг примчавшийся верховой докладывает, что его усадьба в Нивах горит. Федор Иван. обзывает его дураком за то, что он помешал ему выстрелнть, н спокойно прибавляет, что «Верочка (жена) там распорядится»... Не торопясь вернулся ои домой, когда усадьба сгорела, н пожар совершенио прекратился.

Два следующих портрета зиакомят иас с владельцем Бернова в пернод пушкинских посещений — Ив. Ив. Вульфом и его супругой Надеждой Гавриловной, урожденной Борзовой. Портреты не без таланта написаиы собственым крепостиым художииком. Трудио иайти более разнтельные контрасты, чем эти супруги Вульфы. Кто же из них ближе стоял к Пушкину? Конечно, не этот толстый господии в своем прнвычном костюме, бухарском халате, дорожащий своим спокойствием не меньше Обломова, а эта красивая изящная дама, кокетливо н по моде одетая и причесанная.

Бериово полио воспомииаииями о Пушкиие. Прочно выстроенный дом потерпел мало измененинй; в нем теперь до 30 комнат, но в пушкинские времена верхиий этаж и мезоиин были почему-то ие отделаны; средняя комната нижнего этажа с дверью в сад была гостиной; теперь в точности иеизвестно, какая имеиио комната отводнлась Пушкину во время его приездов; вероятно, не всегда одиа и та же. Дни и вечера А. С. отдавал

прнятному обществу, но по утрам много пнсал, часто еще оставаясь в постелн. Недаром же в Берновском парке есть курган, названный, вероятно, в честь Пушкнна, Парнасом; вблнзн его высятся вековые деревья,— есть елн н березы в два обхвата. Парнасскне деревья былн нспещрены надпнсямн; теперь явственно вндeн только нзящный вензель,— переплетенные буквы — Е н Р (французскне); на березе в углу Парнаса чуть заметна довольно длнннaя надпнсь; по некоторым сохраннвшнмся буквам можно еще прочесть начало: «Простн на век! как страшно это слово»... По словам моего любезного чнчероне,— Ольгн Ннк. Вульф,— обе надпнсн сделаны очень давно; ннкто нз современных обнтателей Берновского дома ннкогда ннчего о ннх не слыхал. Нnже Берновской мельннцы показывают омут, в котором когда-то утопнлась дочь мельннка, обманутая своим возлюбленным, соседнмм помещнком. Полагают, что это преданне подало Пушкнну мысль напнсать свою драму «Русалка».

Берновская церковь — усыпальннца фамнлнн Вульфов. Здесь погребен, прнннмавшнй у себя Пушкнна, Ив. Ив. Вульф, скончавшнйся в 1860 г., 85-тн лет от роду, сестры его Наталья Ивановна Вельяшева н Анна Ивановна Панафнднна н сын Ннк. Ив.; последннй умер в 1889 г. Но Пав. Ив. Вульф последние годы прожнл в Торжке, где н погребен на Богословском кладбнще. Вблнзн Торжка, у церкви с. Прутнн нашла свой вечный покой н прославленная Пушкнным женщнна — Анна Петровна Керн, урожденная Полторацкая — по второму мужу, за которого она вышла почтн старухой,— Внноградская.

Жнвопнсные развалнны барского дома в Павловском, которые вндел в 1888 г. Вл. Ив. Колосов, теперь не существуют. Именне Павловское купнлн крестьяне н распорядnлнсь с усадьбой по-своему; существует только плодовый сад, заставленный теперь ульямн.

В Малнинниках, а вернее сказать, в Старнцком уезде, напнсаиы многие нз пронзведенй А. С. Пушкнна: «Анчар», «Посвященне к Полтаве», «VII песнь Онегнна», «Кромешннк», «Утопленник», «Конрад Валленрод», «Подражаиие Аиакреону», «Ответ Катеннну», «Ответ Готовцевой» и др.[1].

Кроме вульфовскнх поместнй в Старнцком уезде, Пушкнн бывал еще в самом городе Старнце. На балу у старнцкого нсправника Вельяшева, женатого на дочери Ив. Ив. Вульфа, н позиакомнлась с Пушкнным воспнтывавшаяся у Пав. Ив. Вульфа дочь сына берновского священника Екатериаа Евграф. Сннцына, как она подробно рассказывала об этом Вл. Ив. Колосову. Екат. Евгр., н поныне здравствующая (ей теперь 88 л.), и мне повторила свой рассказ. По словам Ек. Евгр., Пушкни в 1827 г. ездил нз Павловского на несколько дней в Москву через Старнцу, куда выставляли для него лошадей. Старушка помннт, что А. С. Пушкнн прнвез всем много лакомств, а Павлу Ивановнчу внно.

В с. Микулнне-Городнще сохранилось предаине о посещениях Пушкнна; может быть, он заезжал сюда по дороге в Москву нлн на обратиом пути. В старннном мнкулннском барском доме храиится шляпа Пушкина иа память о его посещеннях Мнкулнна.

Недалеко от Малниннков, в сельце Морнцыне, жнвет старушка Нат. Фнл. Кудрявцева (теперь ей более 85 л.); она была дворовой Пр. Ал. Оснповой н жила сначала в Трнгорском; Кудрявцева хорошо помннт А. С. Пушкнна. Между прочнм, она сообщнла мне, что Пушкнн любнл смешиваться с простым иародом иа базарах и гуляньях, даже переодевался для того в простоиародный костюм.

Эта черта блнзости поэта к простому народу подтверждается и нз другого нсточника. По просьбе ревностного нсследователя тверской старнны, А. К. Жиз-

иевского, лет 15 тому назад собирал сведения о пребывании Пушкина в Бернове бывший старицкий голова Веревкин. Старик Ст. Мих. Бородин, ныне умерший, рассказывал Веревкину, что когда он жил в Бернове, то часто видал там А. С. Пушкина вместе с А. Н. Вульфом. А. С. был всегда весел, любил танцы, много гулял в саду и по окрестным лесам, не чуждался крестьян и дворовых и часто с ними разговаривал и шутил, и крестьяне его также не чуждались, любили с ним беседовать и считали его за человека доброго, веселого и большого шутника. Такой же точно отзыв делал о Пушкине и другой, недавно умерший в Старице, старик Гл. Марк. Сизов, бывший дворовым из Бернова.

Покончив со Старицким уездом, перейдем в соседний Новоторжский. Был ли Пушкин в Пречистой Каменке у Эгерштрома, как это утверждает Н. Н. Овсянников? В Торжке же к этому добавляют, что А. С. Пушкин был также и в соседнем с Каменкой с. Прямухине у родственников Вульфов Бакуниных. Эгерштром был хорошо известен Пушкину страстью к нелепому рифмоплетству, образчик которого приведен Вл. Ив. Колосовым. И у меня есть два подобных стихотворения, сообщенных 87-летнею матерью Н. П. Оленина, Мар. Серг., которая много раз встречалась с Пушкиным в Петербурге. Она допускает полную возможность такого посещения. Но А. С. Пушкин не упоминает о поездке в Пречистую Каменку; между тем с. Преч. Каменка весьма замечательно по своим преданиям об Иване Грозном, который будто бы хотел основать здесь город. В разных местах села находятся 11 каменных крестов, обозначавших предположенные царем к постройке церкви.

Во всяком случае, поставленный вопрос может быть разъяснен лишь справками на месте, для чего пока не представилось возможности.

О том, что Пушкии бывал проездом в Твери и Торжке, свидетельствуют известиые стихи...

По имени Гальяни[2] назваиа улица в Твери, потому что весь порядок домов по одиой стороне ее приiадлежал Гальяни, стоивших по городской оценке 1829 г. 30 000 р. Гальяни — итальяиец родом и в пушкииское время содержал в Твери лучшую гостииицу с залом для таицев и других увеселений, так что гостииица Гальяни замеияла клуб. Дом, где иаходилась гостииица, был иа углу, двухэтажиый,— низ каменный, верх деревяииый; в 1879 г. этот дом сгорел, а на его месте построен большой дом, принадлежащий теперь А. А. Пржецлавской.

Тверской купец Пав. Дем. Галиаие умер в 1731 г.; сын его воспитаииика, Павел Галиаие, по девятой ревизии 1850 г. записаи в тверские мещане. Гальяни выбыли из Твери в Казань.

О «славном», по выражению Пушкиа, трактире Пожарского в Торжке есть несколько отметок в записках и письмах А. С. Пушкиа. Гостииица эта существует и теперь в своем прежием виде. Показывают даже комнату, где останавливался Пушкии (№ 5). Приметой в этом отиошении служило то, что на стене этого нумера было иаписаио Пушкииым целое стихотвореиие. Но оно миого раз было заклееио обоями, и открыть его теперь едва ли возможио.

Что же делало трактир Пожарского «славиым»? Ответом иа это может служить портрет-картина, изображающая Дар. Евд. Пожарскую с маленьким сыном ки. П. М. Волкоиского, бывшего Министром Двора при Императоре Николае Павловиче.

Все включенные в мое обозрение лица сделались известиыми только потому, что иа них случайно упали лучи пушкииской славы. Впрочем, из этого числа, быть может, иадо исключить А. Н. Вульфа, который связал свое имя с историей Тверской губернии своим участием

в образоваииом в 1858 году комитете по преобразоваиию быта помещичьих крестьяи.

Но Д. Е. Пожарская, дочь иовоторжского ямщика, лишеииая всякого образоваиия, выдвииулась из своей среды и сделалась известиою сама по себе. Вот что рассказал мие ее племяииик, теперешиий владелец гостииицы, Евдок. Петр. Пожарский.

Был Высочайший проезд. Д. Е. упросила ки. Волкоиского дозволить ей подать Государю и Государыие завтрак[3]. Завтрак был приият и одобреи. Через иесколько дией потом Пожарская по эстафете была вызваиа в Петербург, где ей приказаио было приготовить для царского стола по ее способу курииые котлеты, ставшие с тех пор известиыми под имеием пожарских. Щедро иаграждеииая, Пожарская возвратилась в Торжок, ио затем часто ездила в Петербург и всегда остаиавливалась у кн. Волкоиского. Во время крещеиия одиого из его сыиовей (Григория) Пожарская подиосила ребеика к Императрице, бывшей его восприемиицей. Государыия пожелала иметь портрет своего крестиика иа руках у его ловкой ияии Пожарской; картииа иаписаиа художииком Нефом. Д. Е. получила с иее копию. Евд. Петр. уверял меия, что и иа этой картиие есть подпись Нефа, ио мои слабые глаза ее ие открыли. Покойиый А. К. Жизиевский хотел приобрести картииу для музея и предлагал за иее 700 рублей.

Тысячелетияя история Тверского края ие подарила иам иикаких выдающихся поэтических произведеиий: поэты были здесь лишь залетиыми соловьями. Но зато в Тверской губ. более, чем где-либо, умели поиимать и цеиить поэтов, беречь их и лелеять. В том иам порука и свидетель — краса, гордость и слава России, сам иаш великий иародный и мировой геиий, А. С. Пушкии!

1903

[1] Здесь кстати будет сказать, что в изданиях Пушкина неправильно называются Малинники — Малениниками; так д. Малинники не называется ни в каких документах, да и сам А. С. Пушкин производил это слово от малины.

[2] А не Гальони, как назвал его поэт в своем стихотворении.

[3] Вл. А. Плетнев дополняет, что Пожарская обратила на себя внимание государя и государыни тем, что, при входе их в гостиницу, бросила им под ноги свою нарядную шубку, так как было несколько грязно.

С. А. Фессалоницкий

ПУШКИН В КРУГУ СТАРИЦКИХ ДВОРЯН

Пушкин связан со Старицким уездом Тверской губернии благодаря знакомству с Вульфами, происшедшему при посредстве Прасковьи Александровны Осиповой, первым мужем которой был Николай Иванович Вульф.

С семьею Осиповой Пушкин особенно сблизился в 1824 году, по приезде в ссылку в псковскую деревню его матери — Михайловское. В поисках избавления от наполнявших тогда душу поэта тягот, он часто бывал в соседнем Тригорском, расположенном в двух верстах от Михайловского, у П. А. Осиповой, жившей в своем родовом имении. К этому времени она уже вторично овдовела. С ней проживали в Тригорском и дети от первого ее брака, из которых наиболее частое упоминание о себе в биографии Пушкина находят Анна, Алексей и Евпраксия. Алексей имеет более тесную, чем его сестры, связь с Тверским краем: он владел впоследствии старицкою деревнею Малинниками.

Размеры статьи не позволяют нам рассмотреть отношения между Пушкиным и Вульфами всесторонне, и мы естественно останавливаемся на вопросе об

отношениях между Пушкиным и Алексеем Николаевичем Вульфом. Попытаемся осветить его наряду и в связи с другим вопросом — вопросом о пребывании Пушкина в Старицком уезде.

I

В литературе о Пушкине установилось мнение, и сравнительно прочное, о тесном сближении Пушкина с Вульфом. Так, академик Л. Н. Майков причисляет А. Н. Вульфа к «ближайшим приятелям Пушкина»; проф. Сиповский, говоря о семье Осиповых, пишет: «...Пушкин... сошелся близко только с сыном Осиповой,— Вульфом».

В какой мере правильно это установившееся мнение?

Впервые Пушкин встретился с Вульфом, по всей вероятности, в 1817 году, когда поэт, окончив Лицей, приезжал в родное Михайловское и побывал в Тригорском. Тогда Пушкину было 18 лет, Вульфу же всего — 11. Ясно, что серьезного сближения в это время произойти между ними не могло.

В 1818 году Вульф поступает в Петербургский Горный корпус. Проведя в нем не более года, он уезжает в Дерпт, где под руководством одного профессора готовится к поступлению в местный университет, а затем и поступает в него в 1822 году. В том же университете и тогда же учился Н. М. Языков, с которым Вульф близко сошелся. На каникулы Вульф приезжал домой, к матери, в Тригорское. Так было и во время летних каникул 1824 года. В начале августа того же года в Михайловское приехал из Одессы Пушкин. К этому времени и может быть отнесено начало сближения Пушкина с Вульфом. Как только последний уехал в Дерпт, между ними завязалась переписка.

Первое письмо Пушкина к Вульфу написано 20 сентября; оно начинается стихотворением:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой...

Оканчивается стихотворение так:

Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

В прозаическом окончании письма повторяется та же просьба: «Уговори Языкова».

На горячее желание Пушкина встретиться с Языковым указывает и приписка к цитируемому письму, сделанная сестрой Вульфа Анной Николаевной: «Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, употреби все старание уговорить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает... пришли ответ от Языкова скорее».

Поэт настолько занят Языковым и мыслью о встрече с ним, настолько жаждет этой встречи, что самое его письмо оказалось имеющим что-то от стиля языковской поэзии: картина предполагаемого времяпровождения есть, в сущности, не что иное, как разгульно-веселые мотивы поэзии самого Языкова.

Именно это послание Пушкина к Вульфу давало повод к заключению об их сближении. Действительно, общий его тон указывает на появление каких-то элементов близости. Нельзя, однако, не отметить, что в письме сказывается гораздо больший интерес к «поэту Языкову», чем к «приятелю» Вульфу.

Через полгода Вульф посвящается Пушкиным в план тайного побега за границу. Для участия в таком секретном предприятии, конечно, нужна была изрядная степень близости и прежде всего — доверие. Но в том же 1825 году происходит следующий эпизод.

Известно увлечение Пушкина А. П. Керн, приехавшей в июне в Тригорское, а в июле увезенной ревновавшей ее к поэту П. А. Осиповой в Ригу. Пушкин из Михайловского, Керн из Риги — переписывались. Вскоре, вслед за Керн, уехал в Ригу и Алексей Николаевич Вульф, также ухаживавший тогда за нею. 14 августа Пушкин запрашивает А. П. Керн: «Что делаете вы с вашим кузеном? Отвечайте мне, но откровенно» — и рекомендует дальше: «Отсылайте-ка его поскорее в университет», замечая при этом: «Не знаю почему, но я не люблю этих студентов». В письме к Анне Петровне от 22 сентября сказывается та же ревность — поэт упрекает ее за письмо к Вульфу, уже вернувшемуся в Дерпт: «Вы клянетесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы говорите *ты* вашему кузену, вы говорите ему: я презираю твою мать, ведь это ужасно! Следовало сказать: вашу мать... Не понимаю, что за цель у вас кокетничать с молодым студентом (к тому же не поэтом) и еще на таком почтительном расстоянии... Решено, не правда ли? Никакой переписки,— и ручаюсь вам, что он останется попрежнему влюбленным».

Ревность Пушкина имела основания. В это самое время Вульф писал к Керн в таком тоне: «Вот уже целая вечность, что Вы мне не пишете! Что Вы меня забыли, дорогой друг?.. Позвольте мне быть Вашим наперсником, быть хоть чем-нибудь для Вас, когда Вы — все для меня!.. Да, я буду все же любить Вас. Не покидайте меня! Я ничего не прошу! только это забвение,— оно ужасно! Прощайте, мой ангел! Да сохранит тебя Господь! Если у Вас будет минутка сво-

бодная,— посвятите ее мне — иесколько строк — н Вы сделаете меня счастливым. Прощайте!..»

Из двух ухаживателей более счастливым оказался предприимчивый Вульф. Б. Л. Модзалевский полагает, что этот факт «не виес холодиостн в их отношення». Однако никакнх данных, определенным образом свндетельствующих о продолжающейся блнзости, начнная с этого времени, мы ие имеем. Вероятнее, стало быть, обратное предположение — что эпизод этот как бы положнл предел дальнейшему сближенню Пушкнна с Вульфом.

Возвращаясь в мае 1826 года к мысли о встрече с Языковым, Пушкин снова пнщет к Вульфу. Письмо, посылаемое после пережитого, после длнтельного перерыва в переписке, звучнт так: «Вы мне обещалн писать из Дерпта и ие пишете — Добро». Из дальнейшего обнаружнвается, что неприятиые впечатления преследуют еще Пушкина: спрашнвая Вульфа о Керн, он называет ее «Вавнлонской блудинцей». Но зачем же тогда пнсать? Сильное желаиие увидеться с Языковым побуждает к этому: «...я жду вас... Не правда ли, что вы прнвезете к нам н вдохновенного? Скажите ему, что этого я требую от него именем славы и честн Россни». Письмо оканчивается повтореинем этой же просьбы: «...привезите же Языкова н с его стихами». Давнишней мечте поэта на этот раз суждено было осуществиться: вместе с Вульфом на каиикулы в Трнгорское приехал и Н. М. Языков. Пушкнн получнл возможность видеться с «вдохновенным», говорить с ннм и слушать его стихн.

Но вот наступает осеиь. Прощеиный Пушкин — на свободе, далеко от Вульфа. Переписываются ли оии? Повнднмому, нет. Нет близости, нет внешнних поводов — нет н переписки! Следующее, нзвестное нам, пнсьмо Пушкииа к Вульфу относится уже к осеии 1828 года, когда поэт, приехав в Малнииикн, к

П. А. Осиповой, написал оттуда своему приятелю довольно шутливое письмо. Но здесь мы сделаем отступление, и вот почему: в годы пушкинских приездов в Старицкий уезд Вульф вел дневник[1], который позволяет создать ясное представление об его личности. Тема — пройти мимо которой нельзя, так как только при условии уяснения особенностей характера Вульфа мы сможем более отчетливо представить себе и характер приятельских отношений между ним и Пушкиным.

II

Сдав в декабре 1826 года выпускные экзамены, Вульф прожил год в деревне — в Малинниках и Тригорском. Приехав 17 декабря 1827 года в Петербург, он во второй половине августа 1828 года поступает на службу в Департамент Разных Податей и Сборов. Служба, не отнимавшая у Вульфа много времени и не требовавшая особого труда, не представляла для него никакого интереса (он не получал даже жалования). Расставаясь с деревенскою жизнью, А. Н. имел много планов. Годичное же пребывание в Петербурге показало, что мечты — одно, а действительность — другое. «С какими удалыми надеждами я ехал сюда! — и сколько их исполнилось? — ни одной!» — признается он.

11 декабря Вульф подает прошение об отставке. Съездив в Малинники, он зачисляется, в качестве унтер-офицера, на военную службу и 1 апреля 1829 года прибывает в местечко Пашкание, где находится его полк[2].

Но и военная служба не оправдала предположений молодого Вульфа. Он ждал, что приобретет славу, и готов был «пожертвовать всем — ради одной возможности достигнуть в с е г о». Но, не прослужив еще и года, А. Н. почувствовал приступы разочарования:

«Много мне теперь неприятностей... О, самолюбнвое честолюбне, ты меня здесь жестоко караешь! — Прощай, мечта славы, не обманешь ты более меня н не заманншь опять в твон пустынн». Через иекоторое время Вульф констатировал: «Я теперь нзлечнлся от... безграиичного честолюбия, которое меня закннуло сюда; понятне о монх достоинствах ограничилось тоже». После этого понятно, с какою радостью встречает Вульф известне об отставке. «Моя отставка вышла!..— пншет он.— Не могу опомнннться от радостн».

Таким образом, в результате непосредствеиного столкновеиня с действнтельностью, Вульф узнал жнзнь, узнал ее не принаряженною изобретательиымн мечтаниямн, а в том самом виде, какой она нмеет в обычной повседиевностн.

В период своей службы — н гражданской н военной — (1828—1833) Вульф предстает пред иамн как лнберал. Сущность его либералнзма раскрывают следующне цнтаты: «Самые лица (напр. государя[3]),— пншет он однажды,— я скорее люблю, чем ие люблю, ио коль скоро я в ннх внжу самодержцев, то невольное отвращение овладевает миою».

Находя «иапраснымн старання правнтельств остаиовить всеобщнй ход народов к гражданской свободе», Вульф пншет о знаменитом 14 декабря: «Это первая нскра пламени, непреодолимо пожирающего злоупотребления и предрассудки, освященные давностью, защищаемые лицамн н сословиями, которым онн прнносят пользу, во вред целых иародов н человечества». Но кто же уничтожит эти «злоупотребления н предрассудкн»? Вульф надеется, что иеобходнмые государствеиные преобразоваиия в Россин будут произведены, как это ни страиио, по иннцнативе того, кто самому же ему ненавистен: «Четыре иамн прожнтые под державою Николая года подали иадежду, что мы ие будем

вынуждены силою с престола взять закон и права естественные и гражданские, а сам монарх нам их отдаст». Таким образом, высказываясь против самодержавия и признавая правительства бессильными в борьбе с «пламенем, пожирающим злоупотребления», Вульф в то же время верит, что нужные блага иногда могут быть даны народу и самим правительством.

Свои политические взгляды Вульф высказывает в дневнике довольно редко. Гораздо чаще встречаются упоминания о читаемых им книгах. Он много читает и больше всего — художественную литературу. По прочтении произведения Вульф нередко записывает и свои суждения о нем. При этом он отмечает занимательность, постепенное нарастание интереса или же ставит такие вопросы: является ли произведение картиною нравов того времени, к которому относятся изображаемые в нем события? как очерчены образы героев и их характеры? нет ли лишних слов? связаны ли между собою происшествия? Не проходит Вульф и мимо особенностей стиля, но в этих случаях он выражается чаще всего самыми общими замечаниями, например, «слог чист и правилен», «не разнообразен и холоден». Надо сказать, что суждения Вульфа о литературных произведениях иногда очень близки к истине. Одно время Вульф сам намеревается заняться литературной работой: начинает переводить Ван дер Вельде и собирается описать свою студенческую жизнь, но поступление на военную службу препятствует осуществлению этих намерений.

Но чаще всего Вульф говорит в дневнике о волокитстве за женщинами. Последние интересуют его исключительно с точки зрения чувственных наслаждений, изобретаемых услужливым воображением. Отсюда и отношение его к женщине определяется только двумя моментами — сближением и получением наслажде-

ний. Остановимся же на характернейшей для Вульфа черте несколько подробнее.

Считая себя плохим практиком в завоевании женских сердец, но хорошим теоретиком[4], Вульф заботится о достижении сближения наискорейшим и наикратчайшим путем, минуя «уверения в любви» и прочий «влюбленный бред». Его интересует не стадия нежностей, а удовлетворение запросов прихотливой чувственности.

Как человек чрезвычайно уравновешенный, Вульф почти никогда не теряет самообладания и даже больше того: остается очень сдержанным. «Любить меня было ее единственное занятие[5],— записывает он,— исполнять мои желания — ее блаженство; быть со мною — все, чего она желала. И эти пламенные чувства остались безответными! Они только согревали мои холодные чувства. Напрасно я искал в душе упоения! Одна чувственность говорила. Проводя с нею наедине целые дни... я провел ее постепенно через все наслаждения чувственности... и надобно было всю холодность моего рассудка, чтобы в пылу восторгов не переступить границу,— ибо она сама, кажется, желала быть совершенно моею». Лишь в редких случаях Вульф изменяет принципам, им исповедуемым.

С течением времени, не удовлетворяемый однообразием, он начинает соблазняться «приманкой новизны», причем ему бывает очень досадно, если женщина, связь с которой его уже больше не интересует, не может сразу остудить свои чувства, им же искусно в ней вызванные; все ее страдания, мучения мало беспокоят холодного и отчасти жестокого Вульфа: он лучше не обратит на них никакого внимания, чем откажет себе в новых наслаждениях, в удовольствии завоевания новой, как он говорит, «красавицы».

«...[Я] никак бы не желал... родить [к себе] страсть [в женщине]: это скучно. Я желаю только нравиться,

заинмать жеищнн, а не более: страстн отинмают только время; хорошо ежели не нмеют дурных последствнй»,— так формулнрует Вульф свое любовное credo. Ясно, что прн таком отношенни к женщнне Вульф ие мог быть стороннннком нден брака. Но все-такн как же он смотрит на брак? Предоставнм ответное слово самому Вульфу: «Еслн я буду нметь столько властн над собою, что удержу себя от нскушеиня жениться, то желаиие найтн женщнну, которая захотела бы со миою жнть единствеино по своему произволу, без всякнх церковных н граждаиских обязаииостей, было бы единственное, которым я бы утруждал небеса. Впрочем, мие можио бы решнться на супружество, ибо всегда можио отыскать благопристойный предлог к разводу, особенно с деньгами» [6].

Любовь, по определению Вульфа,— «пламеиь, все ожнвляющнй».

В этом пламенн, несмотря на всю свою рассудочность, постепенио сгорал он сам, сгорал и его аристократнзм. В пернод военной службы он начннает обращать вннмание уже н на представнтельниц тех слоев общества, которые стоят ниже дворяиского. Это обстоятельство имело решающее зиаченне для последующнх лет жизнн Вульфа. Поселнвшнсь, по выходе в отставку, в деревне, он безудержно отдается удовлетворению чувствеиностн [7]. Последияя же, будучи основаиа на рассудочностн н эгоистичностн, вытесннла все имевшнеся в нем элемеиты незаурядиостн.

Такова, в самых общих чертах, личность этого человека. Перейдем же теперь к вопросу о пребывании Пушкина в Старнце и ее окрестностях.

III

В сентябре 1828 года Пушкнн жил в Петербурге. Там же служнл Алексей Вульф и там же в это время

былн П. А. Оснпова н ее дочь Анна Нnколаевна, собиравшнеся уже домой, в Малнннnкн. 12 сентября Вульф записал в своем дневнике: «Я видел Пушкнна, который хочет ехать с матерью в Малнннnкн, что мне весьма неприятно, ибо оттого пострадает доброе нмя и сестры н матерн, а сестре н других ради прични это вредно».

Прн внимательном изученни вопроса об отношеннях между Пушкнным и Прасковьей Александровной Оснповой, между Пушкнным н Анной Нnколаевной Вульф можно усмотреть долгое н, повиднмому, безответное увлечение нм со стороны обеих. Неравнодушне первой, повндимому, не обнаружнвалось, скрываясь под вндом хорошего знакомства, неравнодушне же второй не скрывалось вовсе. Такая неоднnаковость отношенн̆й этнх женщин к Пушкину н подчеркнвается приведенной нз Дневннка цитатой: в то время как Вульф беспокоится, что нмя матери только пострадает (от светскнх сплетен), нмя сестры не только пострадает, но ей «н других ради прични это вредно». Под прнчинами Вульф разумеет, конечно, то обстоятельство, что лишняя встреча с поэтом влюбленной в него Анны Нnколаевны может явнться препятствнем к нсчезновению тех чувств, которые у нее былн по отношенню к Пушкину.

П. К. Губер запнсь Вульфа под 12 сентября рассматривает нначе [8]. По поводу ее он лаконично замечает, что Вульф ошибался. В чем? Очевидно, в предположениях относнтельно ухаживанн̆й Пушкина за матерью и сестрой, ибо самая ошнбка объясняется незнаннем Вульфом того обстоятельства, что романы Пушкина с П. А. Оснповой и А. Н. Вульф [9] «были уже позади н совсем другне женскне образы занимали его [Пушкина] воображенне». Несостоятельность подобного толкования вульфовскнх слов обнаружнвается тотчас же, как только мы поставим вопрос: мог лн Вульф вообще не знать того, что происходило в семье? Конеч-

но, нет! А раз так, он должен был знать о равнодушии Пушкина. После этого совершенно невозможно думать, что Вульф предполагал возможность ухаживания Пушкина за его матерью и сестрой. Значит, ставить вопрос так, как ставит его П. К. Губер, нельзя. Что же касается причины неприятного состояния Вульфа при известии о поездке Пушкина в Малинники, то, повторяем, ее следует искать в увлечении поэтом П. А. Осиповой н ее дочери, увлечении, начавшемся еще в михайловский период и продолжавшемся в то время, когда поэт, как старый их знакомый, ехал к ним, в 1828 году, в Малинники.

Кончавшееся лето 1828 года, бурное в жизни Пушкина, не уносило с собой причин, делавших его бурным. Осень грозила быть также «бурной». И лучшим уходом от новой опасности оказывался отъезд в деревню, где отрицательные моменты столичной жнзни, постоянно истощавшей нервы поэта и сообщавшей ему лишь одно беспокойство, не могли уже иметь над ним своей силы.

Пушкин, собиравшийся ехать в Малннникн вместе с П. А. Осиповой, задержался, и Осипова с Анной Николаевной Вульф уехали из Петербурга 25 сентября.

В первой половине октября поэт пишет «Полтаву», а 19 числа участвует в товарищеской сходке лицеистов. Протокол празднования лицейской годовщины в 1828 году, написанный рукою Пушкина, оканчнвается следующим образом: «И завидев на дворе час первый, а стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелав доброго пути воспитаннику императорского Лицея Пушкину — французу». На этом же протоколе, вслед за подписями, помещено четверостишие Пушкина:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы. Мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Ночью на двадцатое поэт отправляется в Малинники, куда и прибывает, по всей вероятности, 23 октября (дорога от Петербурга до Малинников занимала тогда, в среднем, $3^1/_4$ суток).

Находясь в гостях, поэт не оставляет свои литературные занятия. 27 октября он заканчивает посвящение «Полтавы». Потом в центре внимания поэта оказывается привезенная с собой VII глава «Онегина», заканчиваемая 4 ноября. Окончательной отделке подвергается и «Анчар», начерно написанный еще в сентябре, а в Малинниках помеченный 9-м ноября. Затем Пушкин пишет «Ответ Катенину» и отсылает его Дельвигу для напечатания в «Северных Цветах». Ему же 26 ноября поэт отсылает вместе с письмом и послание Готовцевой. Таким образом, в Малинниках Пушкин выполняет свою текущую работу: отделывает и заканчивает или вновь пишет то, что у него на очереди.

Обстановка, в которой поэт находился в Малинниках, была благоприятной для работы. Это подтверждают его письма...

Из других мест, которые, возможно, тогда же посещал поэт, следует назвать Берново и Курово-Покровское. Берново, отстоящее в двух верстах от Павловского и семи — от Малинников, принадлежало брату Павла Ивановича Вульфа — Ивану Ивановичу, женатому на Надежде Гавриловне, рожденной Борзовой. Хозяйство Ивана Ивановича благоустройством не отличалось. У него был крепостной гарем, «в котором [он],— по замечанию племянника его Алексея Вульфа,— и прижил с дюжину детей, оставив попечение о законных своей жене».

О пребывании Пушкина в Бернове рассказывает сын Ивана Ивановича — Николай...

По воспоминаниям Бородина, жившего в Бернове, «А. С. был всегда весел, любил танцы, много гулял в саду и по окрестным лесам, не чуждался крестьян

н дворовых и часто с ними разговарнвал н шутнл, н крестьяне его также не чуждалнсь, любнлн с ннм беседовать н счнталн его за человека доброго, веселого н большого шутника».

Что же касается заездов Пушкииа в Курово-Покровское, то о них говорят следующне строкн Воспомннаиий Анны Нnколаевны Панафндиной: «Из рассказов моей родной бабушкн Аииы Ивановиы Панафндиной, рожденной Вульф, н очень умной, образованной н лнберальной для своего времени, знаю, что Пушкнн не раз был в нашем доме — в Курово-Покровском, н в комнате, называемой «Цветной», он записал что-то в 7 главу «Евгеиня Онегииа».

Такнм образом, жнвя в Малннниках, поэт выезжал время от времени и в соседние поместья. Такая жизнь ие могла не умнротворнть его: хорошнй прием, оказанный ему Прасковьей Александровиой, и беззаботная деревенская жнзнь сгладнлн непрнятные впечатлеиия, вывезенные нм из столнцы.

Проведя в Малинннках почти полтора месяца, Пушкин четвертого нлн пятого декабря выехал в Москву.

Неделн две спустя после отъезда Пушкниа, в Малинники приехал нз Петербурга Вульф. Очевндно, в связн с «поясиеннямн насчет его петербургского поведения, даннымн поэтом с откровенностью и простодушием», Вульф запнсал: «...я узиал все, что здесь делал... Пушкнн, клеветавший на меня, пока он тут был». Разоблаченне Пушкнным любовных похожденнй, которыми Вульф заинмался в Петербурге, не понравилось ему, н он счел это за клевету.

Прнблнжавшнеся рождественские праздники семейство Вульфов-Осиповых решило провестн в Старнце, у родственнников Вельяшевых. Василий Ивановнч Вельяшев, старнцкнй исправник, был женат на Наталнн Ивановие, рожд. Вульф, горячо его любнвшей. Онн

имели четверо детей. 20 декабря П. А. Осипова, Анна Николаевна Вульф и Алексей Николаевич отправились в Старицу, где для них был нанят особый дом. В Старице же собрались скоро и другие родные.

Не говоря подробно о встречах Вульфа с знакомыми приятельницами, встречах с обмороками и без них, ограничимся лишь общим замечанием, что он раньше всего заинтересовался старицкими «красавицами». Среди последних особенно выделялась его кузина Екатерина Васильевна Вельяшева, внешний облик которой зарисован им в следующих чертах: «Здесь я нашел... Катеньку Вельяшеву... в один год, который я ее не видал, из 14-летнего ребенка, расцветшую прекрасною девушкой, лицом хотя не красавицею, но стройною, увлекательною в каждом движении, прелестною, как непорочность, милую и добродушную, как ее лета». Она была занята любовью своего тридцатилетнего кузена Ивана Петровича Вульфа, служившего в Уланском полку [10].

Собравшееся общество проводило время на балах, которым сопутствовали флирт и муки ревности. На исходе святок, 6 января 1829 года, в Старицу из Москвы приехал Пушкин. Вульф отмечает в дневнике это событие следующим образом: «В Крещение приехал к нам в Старицу Пушкин... Он принес в наше общество немного разнообразия. Его светский, блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском». И дальше рассказывает: «С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего его и прозвали сестры Мефистофелем, а меня Фаустом. Но Гретхен (Катен. В. [11]), несмотря ни на советы Мефистофеля и на волокитство Фауста, осталась холодною: все старания были напрасны. Мы имели одно только удовольствие бесить Ивана Петровича, образ мыслей наших оттого он назвал американским».

Пушкин ничего не имел против представлявшейся ему возможности провести время в веселом провинциальном обществе.

После праздников гости стали разъезжаться. Пушкин с Вульфом поехали в Павловское, к Павлу Ивановичу. Исходя из воспоминаний Синицыной, можно думать, что это было 8 января. Она сообщала В. И. Колосову: «Через два дня поехали мы в Павловское. Приехали сюда так к обеду; следом за нами к вечеру приехал и Александр Сергеевич вместе с Алексеем Николаевичем Вульф». Последние ехали к Павлу Ивановичу, «взяв по бутылке шампанского, которые морозили, держа на коленях».

Как Пушкин проводил в Павловском день? «Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгою в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы... Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке».

Называя имя Е. Е. Синицыной, посвятим два слова ее воспоминаниям. Факты, о которых она говорит, приводит и Вульф. Благодаря этому рассказ Синицыной получает документальное подтверждение. До опубликования дневника Вульфа Н. Н. Овсянников предпринял совершенно напрасную попытку заподозрить Синицыну во лжи. Он писал: «Можно ли слепо верить ее рассказам? Они напротив кажутся нам искусственными и сложившимися на основании позднейших печатных известий». Дневник Алексея Николаевича вполне доказал отсутствие какой бы то ни было искусственности в рассказах Е. Е. Синицыной. Наряду с этим он позволил исправить и существенную неточность, вкравшуюся в

А. С. Пушкин. *Скульптор Е. Белашова*

Усадьба Раек
Вид Торжка с берега Тверцы

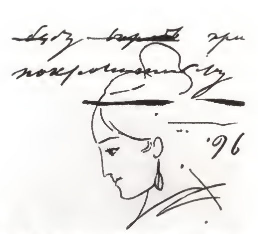
Музей А. С. Пушкина в Торжке

Главный зал музея

Торжок. Ротонда

Эти стены видел Пушкин

Бывшая Вознесенская церковь
Набережная Тверцы



А. П. Керн. *Рисунок А. С. Пушкина*
Прутня. Могила А. П. Керн

Мост в Грузинах
Усадьба Полторацких

Памятник А. С. Пушкину. *Скульптор О. Комов*

Берново. Дом Вульфов
В залах музея А. С. Пушкнна в Бернове

Н. Н. Пушкина. *Акварель К. Брюллова*

Зимняя дорога

Берново. По первому снегу
Пруд в усадьбе Вульфов

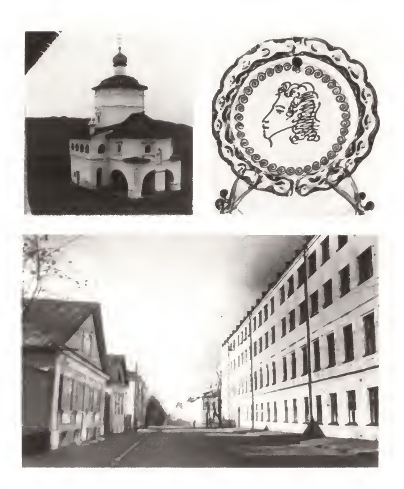
Скамейка в парке

Часовия в Малинниках

Старица. Бывший Успенский монастырь на берегу Волги

Окошко в девичьей светелке

По дороге в Старицу
Монастырские стены



Старица. Собор бывшего Успенского монастыря
А. С. Пушкин. *Работа художницы И. Маршумовой*
В Твери на этом месте стояла гостиница Гальяни

воспомииаиия, а имеиио: предположительиое отиесеиие крещенского приезда Пушкнна в Старицу к 1827 году. Записи Вульфа дают все основания к тому, чтобы датировать этот приезд поэта в Тверскую губериию 1829-м годом.

Проведя в Павловском с иеделю, Пушкии 16 января отправился в Петербург. Поехали оии вместе с Вульфом. Нигде ие задерживаясь, ио испытав «иекоторые прижнмки от ямщнков», играя иа стаициях в шахматы и пользуясь «всем достопримечательиым», вроде покупки бараиков (иебольших кренделей) у валдайских красавиц (как их изывает Вульф) и завтракая свежнми сельдями в Вышием Волочке и ухою «из прекрасных форелей» в Яжелбицах, Пушкии и А. Н. 18 января, в 8 часов вечера прибыли в Петербург.

По дороге путешествеиники говорили «про современиые отечествеиные события, про литературу», говорили о любвн и о жеищинах, в частиости, о тех, с которымн виделись в Старице и ее окрестиостях. В результате воспоминаиий, Пушкин, перед приездом в Ижоры, иаписал стихотвореиие, посвящеииое Екатериие Васильевие Вельяшевой и по своим мотивам связаииое с ее холодиой иеприступиостью.

По приезде в Петербург Пушкии прииялся за печатаиие «Полтавы», а девятого марта покииул его снова, уехав иа Кавказ. По дороге поэт задержался иа полтора месяца в Москве; в это время ои, как известио, сделал предложеиие Н. Н. Гоичаровой, иа которое последовал иеопределеииый ответ, огорчивший его. Прибыв на Кавказ, Пушкни иаходился в армии, действовавшей под начальством Паскевича, и участвовал в походе через горы Армеиии... В середиие сеитября Пушкии сиова в Москве и сиова иаходит холодиый прием у Гоичаровых. Быть может, имеиио тяжелые впечатлеиия от неудачиого сватовства побуждают поэта

вновь искать забвения в деревенской тиши. Во всяком случае, Пушкин оставляет Москву и едет в Старицкий уезд, куда прибывает не позднее 14 октября. Таким образом, обещая заехать в «мирные края» через год, поэт, на самом деле, приехал несколько ранее. Повидимому, Пушкин и на сей раз остановился опять в Павловском. По крайней мере так можно думать на основании следующих слов Алексея Николаевича, писавшего 16 февраля 1830 года сестре своей Анне Николаевне: «В следующих твоих письмах я верно узнаю, как продолжится и чем кончится любопытный его заезд из Арзерума в Павловское».

Успев уже побывать в соседнем Бернове, Пушкин навещает и малининковских знакомых. Находясь у них 16 октября, он пишет Вульфу.

Как же Вульф отнесся к веселому и шутливому письму Пушкина, написанному в духе самого Алексея Николаевича? Получив его 15 февраля 1830 года, он записал: «Дельво... привес большой пук писем. В нем нашлось и два ко мне: оба сестрины... в одном же из них приписку от Пушкина... Как прошлого года в это же время писал он ко мне в Петербург о тамошних красавицах, так и теперь, величая меня именем Ловласа, сообщает он известия очень смешные о них, доказывающие, что он не переменяется с летами и возвратился из Арзерума точно таким, каким и туда поехал,— весьма циническим волокитою».

Вульф не понял: Пушкин писал о том, что, по его мнению, могло интересовать Вульфа раньше всего — о старицких «красавицах». Александра Ивановна Осипова, о которой поэт говорит в письме,— сводная сестра Вульфа, с ней у него была продолжительная связь; Вельяшева; «Минерва» — Екатерина Ивановна Гладкова, кузина Вульфа, с ней он также некогда «занимался»; *Netty*, письма Вульфа к ней в кругу ее подруг «считались образцами в своем роде», поповна — Ека-

тернна Евграфовиа Синнцыиа, выгнавшая его из своей спальни — все это лнца, очень хорошо известиые Вульфу. Мо́жет быть, Вульф увндел цииизм в заявлении Пушкина о неравиодушнн к *Netty?* Но это заявленне отнюдь не цинническое. «Как Сомов дает нам ежегодно обзоры за лнтературу,— продолжает Вульф,— так и я желал бы от иего [Пушкниа] каждую осень получать обзоры за нашими красавицами». Словом, Пушкнн, в сознанин Вульфа,— цииическнй волокнта, на обязаиность которого он хотел бы возложнть ежегодное поосеинее составление «обзоров за красавицами»?! Ясно, что записн Вульфа говорят гораздо больше о нем самом, чем о Пушкиие.

Навестнв зиакомых, жнвших по соседству с Павловским, Пушкии сосредотачивает свое виимаиие на лнтературной работе. Гостя у Павла Ивановича, ои пишет первоиачальную VIII главу «Оиегииа» — «Страиствие», ставшую впоследствии девятой. Скорее всего к этому же времеии относнтся четверостишие, посвященное *Netty* Вульф:

За *Netty* сердцем я летаю
В Твери, в Москве —
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *W*.

Пушкин прожнл в Павловском неделн три. Из Павловского ои поехал в Петербург. Когда он приехал? 10 ноября Пушкии, бывший уже в Петербурге, иапнсал пнсьмо Беикендорфу, который запрашивал его о причииах самовольиого путешествия. Думается, что офнциальный ответ Бенкеидорфу Пушкин ие мог задержнвать н дал его иемедлеиио же по приезде. Если это действительно так, то можно предположить, что поэт прнбыл в Петербург в последних числах первой декады ноября.

Перейдем к следующему и вместе с тем последнему

приезду Пушкина к Вульфам. В 1833 году поэт, занятый «Историей Пугачева», столкнулся с мыслью о посещении мест, связанных с пугачевским движением. Выехав из Петербурга 18 августа, он с 20 на 21-е ночует в Торжке, утром 21-го оставляет Торжок и в 8 часов вечера 21-го же прибывает в Павловское.

Н. О. Лернер отмечает прибытие Пушкина в Павловское вечером 22 августа. Такого количества времени — полторы сутки — на дорогу от Торжка до Павловского слишком много! Обычно этот путь занимает только половину суток. Так, если поэт выехал из Торжка 21-го утром, то в Павловском он был в этот же день вечером.

Принятие указанной поправки влечет за собою и исправление даты письма Пушкина к жене, написанного им в Павловском. И Н. О. Лернер и редактор академического издания «Переписки» В. И. Саитов относят его к 23 августа, в то время как оно должно быть датировано 22 августа, ибо только в таком случае достигается отсутствие каких бы то ни было расхождений между устанавливаемыми датами и свидетельствами самого поэта. Он пишет: «Вчера [т. е. 21-го]... в 8 часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу... Завтра [т. е. 23-го] чем свет отправляюсь». Следовательно, Пушкин провел в Павловском ночь, день и еще ночь. При датировании же письма 23-им августа время пребывания его в Павловском сокращается до одной ночи: выехать из Павловского утром 24-го поэт никак не мог, потому что еще накануне он был уже в Ярополье. «В Ярополиц приехал я в с е р е д у поздно»,— пишет он в другом письме. 23 августа 1833 года было в среду. Таким образом, бесспорно, что поэт весь день 23-го августа употребил на дорогу от Павловского до Яропольца.

После этого хронология указанных событий принимает следующий вид:

1833. Август.

21. Утро. Отъезд Пушкина из Торжка.

21. 8 часов вечера. Приезд Пушкина в Павловское.

22. Письмо Пушкина из Павловского к жене.

23. Утро. Отъезд Пушкина из Павловского.

23. Поздно вечером. Приезд Пушкина в Ярополец.

О подробностях последнего пребывания Пушкина в Павловском мы знаем из письма его к жене. Но как ни была хороша та обстановка, в которой Пушкин находился в Павловском, он не мог в нем задерживаться. Заехав ненадолго в Ярополец — волоколамское имение его тещи, он в полдень 25 августа был уж в Москве.

Такова история приездов Пушкина в Старицкий уезд. По той роли, которую играют в ней отдельные поместья, на первое место претендуют Малинники и Павловское. До сих пор первая роль признавалась за Малинниками. Между тем, хорошие отношения Пушкина и Павла Ивановича Вульфа и тот факт, что поэт останавливался в Павловском в течение трех своих приездов, показывают, что Павловскому, по сравнению с Малинниками, принадлежит роль нисколько не меньшая, если только не большая.

Изложенная история есть, в сущности, ряд страниц из биографии великого поэта. Заключим же их воспоминаниями Анны Николаевны Панафидиной, повествующей о пребывании Пушкина на территории Старицкого уезда со слов своей бабушки Анны Ивановны Панафидиной. «Пребывание Пушкина в Берновской волости,— пишет она,— было великим событием. Все съезжались, чтобы увидать его, побыть с ним, рассмотреть его, как необыкновенного человека; но талантом его, как мне казалось из рассказов, все эти пожилые

люди мало восхищались, мало ценили, не понимали всю силу его творчества.

Совсем другое впечатление оставило на моих, тогда совсем еще юных, тетушках пребывание Пушкина и знакомство с ним. Все они были влюблены в его произведения, а может быть и в него самого, переписывали его стихотворения и его поэмы в свои альбомы, перечитывали их, и до старости лет любили их декламировать на память и чуть не со слезами на глазах со свойственной тому времени сантиментальностью и романтизмом. Многие очень робкие и наивные девушки, несмотря на страстное желание и благоговение к Пушкину, боялись встречи с ним, зная, что он обладал насмешливостью и острым языком.

Как особенность его, рассказывали, что он очень любил общество женской прислуги — экономок, приживалок и горничных. Одна почтенная старушка, некая Наталья Филипповна, прислуга дяди, Алексея Николаевича Вульф, рассказывала мне, как Пушкин любил вставать рано, и зимой, когда девушки топили печи, и в доме еще была тишина, приходил к ним, шутил с ними и пугал. В обращении с ними он был так прост, что они отвечали ему шутками, называли его «фармазоном» и, глядя на его длинные, выхоленные ногти, называли его «дьяволом с когтями». Эта черта Пушкина очень понятна для такого наблюдателя и толкователя человеческих душ из различных слоев общества [каким он был]».

IV

Нам остается довести до конца анализ вопроса об отношениях между Пушкиным и Алексеем Николаевичем Вульфом. В михайловский период они много беседовали. Но эти разговоры происходили, повидимому, под влиянием одиночества: любой собеседник, тем более

студент, да еще развитой, был для поэта, конечно, находкой, которую он рад был использовать. И, может быть, Пушкин действительно имел в виду беседы с Вульфом, когда в 4 главе «Онегина» писал:

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей;
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав нежданно за полу,
Душу трагедией в углу.

Сблизившись не столько в силу внутренних побуждений, сколько силой внешних обстоятельств, Пушкин и Вульф вынуждены были ограничиться элементарной близостью. Пушкин сам затруднялся ответить на вопрос о том, что их сближало. В письме к Анне Николаевне Вульф от 21 июля 1825 года он, между прочим, пишет: «Вчера Алексей и я говорили 4 часа подряд. Никогда у нас еще не было такой долгой беседы. Угадайте, что нас вдруг так сблизило? Скука? Сходство наших чувств? Не знаю право».

М. А. Цявловский, затрагивая в своей статье о дневнике Вульфа этот же вопрос, говорит: «О том, что их сближало, прекрасно говорят сохранившиеся письма поэта к Вульфу, комментарием к которым служат записи о Пушкине в дневнике его приятеля». Но мы уже видели, что в письмах, даже указывающих на начинавшееся сближение, Пушкин интересуется больше Языковым, нежели своим приятелем. В *случайных* же письмах из Малинников он пишет лишь то, что интересно Вульфу. Эти письма являются блестящими образцами того, как Пушкин писал людям не близким, и вместе с тем свидетельствуют об известном всем свойстве Пушкина разговаривать на *языке собеседника*.

Не указывают на близость и записи Вульфа о поэте.

Они, напротив, удивляют своей резкостью. Выражение по адресу Пушкина — «циничический волокита» — нами уж приводилось. Приводилось также и замечание о «клевете» поэта на автора дневника. Недоброе отношение Вульфа к Пушкину особенно чувствуется в следующей записи о женитьбе Пушкина на Гончаровой, «первостатейной московской красавице»: «Желаю ему быть счастливу, но не знаю, возможно ли надеяться этого с его нравами и с его образом мыслей. Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов,— это тем вероятнее, что первым его делом будет развратить жену.— Желаю, чтобы я во всем ошибся». Вульф, действительно, ошибся. Наряду с этим он обсуждает даже перспективу волокитства за женой поэта: 20 ноября 1831 года Вульф пишет сестре Анне Николаевне: «По твоим словам Пушкин должен быть теперь уже женат; но я не столько нетерпелив видеть госпожу Пушкину, потому что я себя изведал и смиряюсь». Недоброжелательность Вульфа по отношению к Пушкину станет еще очевиднее, если мы сравним отношение его к Пушкину с отношением к Языкову. «Николай Мих. [Языков],— пишет он,— есть один из тех людей, которых я более всего люблю: мне кажется, что для него я был бы готов пожертвовать любовницею». Жертва для Вульфа не малая, но он на нее идет — для Языкова. К Пушкину же отношение — иного сорта: не ему Вульф уступает любовницу, как он выражается, а не прочь был бы, при наличии соответствующих обстоятельств, завести интригу с его женой. Вспомним и эпизод с Керн, которую Вульф, в период страстного увлечения ею Пушкина, привлек на свою сторону, пользуясь тем, что Пушкин, находившийся в ссылке, не имел права выезда из Михайловского и не мог последовать за Керн в Ригу. Вульф с положением Пушкина не считался и, приехав в Ригу, добился поставленной цели.

Среди записей Вульфа о Пушкине особое место занимают те из них, в которых Вульф выставляет себя учеником Пушкина по завоеванию женских сердец,— «напитанным мнениями Пушкина и его образом обращения с женщинами». Он говорит однажды: «Молодую красавицу трактира вчера начал я знакомить с техническими терминами любви; потом по методе Мефистофеля (Пушкина), надо ее воображение занять сладострастными картинами; женщины, вкусив однажды этого соблазнительного плода, впадают во власть того, который им питать может их, и теряют ко всему другому вкус: им кажется все пошлым и вялым после языка чувственности».

Можно ли согласиться с Вульфом и признать Пушкина его учителем? Пушкин, имевший свойство разговаривать с неблизкими ему людьми на их же языке, то есть на темы их более всего интересующие, разговаривал с Вульфом чаще всего о женщинах и об отношениях к ним. Случайные замечания, высказанные им во время таких разговоров, Вульф считал «наставлениями» и, незаметно для себя, создал по своему образу и подобию облик Пушкина — «учителя». В этом убеждают нас два факта. Во-первых, Пушкин и Вульф — совершенно различные натуры. Ведь Вульф, как пишет П. Е. Щеголев, «и в жизни остался достойным гнева и жалости эмпириком любви, а Пушкин, для которого любовь была гармонией, изведал высший восторг небесной любви». Во-вторых, как же можно верить Вульфу, если свидетельства самого поэта против него. М. А. Цявловский говорит: «...Пушкин об этой «методе» [приписываемой ему Вульфом] писал (в четвертой главе «Евгения Онегина», строфа VII):

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.

Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

«Строфа эта, как известно, есть повторение того, что писал в 1822 году Пушкин брату: «Чем меньше любят женщину, тем вернее овладевают ею; но это удовольствие достойно старой обезьяны 18-го столетия». Итак, как видим, «учитель» говорил не совсем то, что приписывает ему его «ученик». Нельзя не признать правильность соображений М. А. Цявловского, и, наоборот, более, чем трудно, согласиться с В. В. Вересаевым, который в недавно появившихся «заметках о Пушкине» находит показания Вульфа правдивыми.

Отзывы Пушкина о Вульфе несравненно мягче вульфовских отзывов о нем; но и они указывают на далекость, существовавшую в отношениях между ними. К осени 1825 года Пушкин, как мы видели, довольно хорошо узнал Вульфа и понял разницу между ним и собой. Тем не менее Пушкин ценил и то немногое, чем он пользовался от Вульфа в михайловский период. И это чувство благодарности осталось у поэта на всю жизнь. В 1831 году он вспоминает о нем: «В конце 1825 года я часто виделся с одним дерптским студентом... Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцовать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял». Такие отзывы Пушкина обнаруживают присущее ему отношение к людям вообще. Но не более того.

Повторяем: близость между Пушкиным и Вульфом могла быть лишь на самой заре нх отиошений. Говорить же о ней иа протяжении всего их зиакомства иельзя, так как для этого иет иикаких осиоваиий.

1928

---

[1] В общем Вульф аел днеаннк на протяженнн 15 лет (1827—1842). Опублнкоаыался он по частям: одна его часть (1827 г., 1832—1842 гг.) была опублнкована акад. Майковым а книге «Пушкнн» в 1899 году, а другая (1828 г.— начало 1832 года), позднее найденная — М. Л. Гофманом а 1915 году.

[2] Вульф участаует сначала в русско-турецкой аойне, а по заключеннн мнра находнтся на знмннх каартнрах а Бабадагской областн. С аесны 1830 года он следует со саонм полком а Россию; весною 1831 г. прнннмает участне а походе протна польскнх поастанцеа; 22 янааря 1832 года Вульф уезжает а отпуск, в Трнгорское, откуда в конце апреля аозаращается в армию н пребывает в ней до аыхода а отстааку, а 1833 году, в чнне штабсротмнстра.

[3] Нниколая I.

[4] Вспомнная о аолокнтстае саоем за кузнной Ек. Ив. Гладкоаой, Вульф находнт, что он «не умел постепенно ее развращать, арать ей, раздражать ее чуастаенность».

[5] Речь ндет об Елнзавете Петроане Полторацкой.

[6] Л. Майкоа, «Пушкнн», СПб., 1899, стр. 219—220. Вульф остается холостым до самой смертн (17 апр. 1881 г.).

[7] «Рассказыааают,— пншет М. Л. Гофман,— что а Малннннках А. Н. устронл себе гарем нз 12 крепостных девушек; кроме того, он прнсаонл себе прaao первой ночн».

[8] См. П. К. Губер, «Дон-Жуанскнй спнсок Пушкнна», П., 1923, стр. 211.

[9] П. К. Губер склонен осаещать отношення нх а анде азанмных романоа. Былн лн последнне — аопрос чрезаычайно спорный.

[10] Иаан Петровнч — сын Петра Ивановнча Вульфа, владельца дереанн Соколоао (Старнцкого уезда).

[11] Екатерина Васнльеана Вельяшева.

Тысячи друзей

И. Андроников

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ А. ПЬЯНОВА «МОИ ОСЕННИЕ ДОСУГИ»

В 1922 году Святогорский монастырь, в ограде которого покоится прах Александра Сергеевича Пушкина, его псковское сельцо Михайловское, где он жил и творил, имение его друзей Тригорское декретом Совета Народных Комиссаров были объявлены Пушкинским заповедником. Потом в каждое первое воскресенье июня здесь ежегодно стал отмечаться день рождения Пушкина. Так родился народный праздник.

Год от года паломничество к Пушкину все росло. Десятки тысяч людей стали приезжать и приходить в этот день на поляну возле ограды парка. И в 1967 году в Михайловском возник ежегодный Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, для участия в котором съезжаются посланцы всей нашей многонациональной поэзии, прибывают зарубежные гости со всех континентов. И вот народное поэтическое торжество обрело уже мировое значение и вовлекло в чествование величайшего поэта России и другие места, связанные с именем, жизнью, поэзией Пушкина,— Москву, Ленинград, Болдино Горьковской области, Кишинев, Одессу...

В числе первых, перенявших эту традицию, стали город Калинин и село Берново в Старицком районе Калининской области, где было когда-то поместье пушкин-

ских друзей Вульфов. В 1970 году в Бернове открылся великолепный пушкинский музей, а в следующем — воздвигнут памятник Пушкину. И тысячи друзей поэта стали съезжаться сюда в первое воскресенье июня из ближних и дальних мест.

Это еще не все.

Пушкинский музей открылся в Торжке Калининской области — в городе, через который столько раз проезжал Пушкин. Реставрирована гостиница Пожарского, где Пушкин часто останавливался.

Но и это не все!

Те места в Верхневолжье, где Пушкин бывал, через которые проезжал, где рождались его стихи, калининцы решили превратить в «Пушкинское туристское кольцо». Все это — проявление неуклонного развития нашей духовной жизни, нашей культуры. Нигде в мире не было еще ежегодного поэтического праздника, народного праздника, подобного нашему Пушкинскому.

В книге Алексея Пьянова исследованы многообразные связи Пушкина с Тверским краем, собраны факты, известные только краеведам и пушкинистам. Но многое изучено самостоятельно и сообщается нам впервые. Все это увидено собственными глазами. И превосходно написано.

Что это — путеводитель? Нет, книга о поэзии Пушкина, о его друзьях, о его дорогах. О том, как преображался мир под его волшебным пером. Такой «тверской» книги в Пушкиниане до сих пор не было. Это отличный труд, порожденный Пушкинским праздником и отражающий новую пушкинскую традицию.

Предисловие это было написано к первой книге А. Пьянова «Берег, милый для меня», но его по праву можно отнести и к новой работе о тверских досугах Пушкина.

1974—1981

Ю. Нагибин

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ Л. Ф. КЕРЦЕЛЛИ «ТВЕРСКОЙ КРАЙ В РИСУНКАХ ПУШКИНА»

До недавнего времени в представлении рядовых любителей пушкинской поэзии, к числу которых принадлежу и я, судьба величайшего поэта России связывалась географически с Москвой, Петербургом, Молдавией, Одессой, Крымом, Кавказом и двумя усадьбами, родовыми вотчинами Пушкиных-Ганнибалов: Михайловским, что на Псковщине, и Болдином в Нижегородской губернии. Впрочем, когда произносится Михайловское, то подразумевается и близлежащее Тригорское, имение Осиповых-Вульф, самых верных и близких друзей Пушкина, чей дом стал родным для него в печальные годы ссылки. А вот сравнительно недавно еще один край предъявил права на Пушкина — древняя тверская земля (ныне Калининская область). Претензии эти оказались столь правомочны, вески и справедливы, что легло на Тверщине Большое Пушкинское кольцо с музеями в селе Бернове и городе Торжке. И был этот край окольцован в пушкинскую честь не только потому, что поэт без счета пересекал его по пути из Петербурга в Москву и обратно, что гостевал здесь порой весьма длительные сроки у милых друзей своих, тех же Осиповых-Вульф, имевших и здесь вотчины, заезжал к Вельяшевым, к Полторацким, но и потому, что здесь, в Верхневолжье, он написал немало замечательных произведений.

Благословенно Болдино, давшее имя самой вдохновенной поре в творческой жизни Пушкина, но и тверская земля заслуживает много добрых, благодарных, умиленных слов — там легко дышалось, весело жилось, славно думалось и хорошо писалось первому поэту России.

«Тверской период» в биографии поэта достоин не только признательности, но и серьезного, глубокого, кропотливого изучения людьми, взявшими на себя сладкий и нелегкий труд распутывания клубков пушкинского бытия. Жадные до всего, что связано с Пушкиным, мы, читатели, хотим знать тверскую жизнь поэта так же полно и достоверно, как михайловско-тригорскую. Сейчас уже многое сделано в этом направлении, хотя поиски продолжаются, и небольшая по объему книга Ларисы Керцелли вносит свою лепту в Пушкиниану, повернувшуюся лицом к городам и весям, лесам, рекам, лугам и паркам тверской земли 20—30-х годов прошлого века.

Содержательное авторское предисловие делает лишними всякие рассуждения о том, что значил Тверской край в жизни духа и сердца Пушкина. Я могу обратиться непосредственно к книге, скромно названной «Тверской край в рисунках Пушкина». Несомненно, название соответствующей ведущей темы книги: «тверской период» Л. Керцелли рассматривает в аспекте рисунков поэта. Но истинное содержание книги значительно шире. Мы знакомимся не только с Пушкиным-рисовальщиком, оставившим на полях черновиков с десяток беглых и, как всегда, психологически точных набросков своих тверских друзей и знакомых, а также несколько пейзажей, столь редких в его графическом наследстве. Перед нами проходит целая галерея современников поэта, связанных с ним сложными, тонкими, порой открыто и просто дружескими, порой мучительно-острыми отношениями. Иные из этих лиц предстают перед нами совсем в новом свете, в чем несомненно заслуга автора-исследователя, свободного от предвзятости, покорности авторитетам и смущения перед рутиной «освященных временем» представлений...

Определить рисунок Пушкина — великое дело, но это всего лишь начало работы. Надо *прочесть* рисунок, понять его порой весьма сложную драматургию, его

связь с умонастроением и душевной жизнью поэта; если это портрет — что значил он в отношениях художника с оригиналом, ведь Пушкин не был механическим копиистом натуры, движение его быстрого пера выражало не механическую память о том или ином лице, а *отношение* к нему — любовь, дружбу, страсть, насмешку, отчуждение, ненависть. Рисунки Пушкина окрашены острым личным чувством, среди них нет случайных. При всей их беглости, видимой небрежности они очень точны, максимально приближены к оригиналу, хотя экспрессии ради поэт нередко отступал от голой фотографической правды. Кстати, вера в необыкновенную конкретность пушкинского творчества, его точное соответствие действительности позволили директору Пушкинского заповедника С. С. Гейченко восстановить многое в Михайловском и Тригорском на основе пушкинских стихов, обладающих точностью документа.

Рассказывая о тверских встречах и впечатлениях поэта, отраженных в его графике и его художественном творчестве, рассматривая его отношения с людьми, о которых уже немало писалось, Лариса Керцелли смела, последовательна, до конца проницательна, не боится никаких выводов. Этим особенно показательна главка, посвященная Анне Николаевне Вульф, пронесшей через всю жизнь безоглядную, безрассудную и безнадежную любовь к Пушкину. Горек рассказ о незадавшейся жизни и прекрасны завершающие его слова: «Ее любовь — ее пагуба. Но лучше, прекраснее этого ничего не было и не могло быть для Аннеты. И эта любовь ее, ставшая счастьем и мукою вместе, сделала интересною ее жизнь для людей даже нашего века. И еще — она заняла — все-таки заняла! — свое место и в жизни, и в творческой памяти Пушкина!»

В этой главке Лариса Керцелли делает несколько очень тонких наблюдений об отношении Пушкина к Анне Петровне Керн. Знаменитые стихи, ставшие еще

более знаменитым романсом, превратили для всех милую и легкомысленную Анну Петровну в «бессмертную страсть поэта». И даже широко публиковавшиеся письма Пушкина, где он говорит об Анне Петровне с веселым цинизмом, не могли поколебать мифа, что лишний раз подтверждает — поэзия сильнее правды. Впрочем, письма эти относятся не к той поре, когда «мимолетное виденье» вновь явилось ссыльному Пушкину, а к более позднему, охлажденному времени. Страстная влюбленность Пушкина в Анну Петровну не вызывала сомнения, пусть с годами чувство поблекло и от былого упоения осталось лишь самолюбивое мужское желание добиться победы. Но вот, анализируя хорошо известное письмо Пушкина к Анне Николаевне михайловской поры, в котором так много и так откровенно говорится о его влюбленности в Керн, Лариса Керцелли приводит нас к неожиданному выводу: с *самого начала* в увлечении Пушкина Анной Петровной было много литературного. Недаром же по-настоящему любившая поэта и безмерно чуткая к каждому движению его души Анна Николаевна Вульф не ревновала его к счастливой сопернице, хотя ревновала к собственной матери, к другой своей кузине — *Netty*. Своим умным сердцем она угадывала искусственность слишком громких пушкинских признаний, нарочитость его откровенности, иначе говоря,— непервосортность чувства, в котором была опьяненность, а не любовь. Как сказал поэт другой эпохи: «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха». Не спутала и Анна Николаевна. Стилизованные под французское эпистолярное искусство XVIII века письма Пушкина к самой Керн подтверждают смелые выводы Ларисы Керцелли. Исследование, посвященное «унылой деве»,— одно из лучших в книге по глубине, прозорливости и блеску...

Но, пожалуй, наиболее интересна глава о «тверском приятеле» поэта, печально знаменитом Алексее Нико-

лаевиче Вульфе. Спокон века бывший дерптский студент, потом гусар, потом помещик и всегда «ловлас», кутила, Вульф рассматривался как совратитель, искуситель, к тому же тайный недоброжелатель поэта. Виной тому неверно прочитанные дневники Вульфа, где он с неприятной обстоятельностью и прямотой, близкой цинизму, живописует свои многочисленные любовные похождения. Усмотрев тут что-то от Вальмона «Опасных связей», исследователи дружно забраковали Вульфа не только с точки зрения нравственности, они подвергли осуждению его личность в целом и суть отношений с Пушкиным. Поэтому и стал он не другом, не поверенным Пушкина, а «приятелем», благо Пушкин сам так обратился к нему в послании: «Здравствуй, Вульф, приятель мой!» Ну, как это звучит рядом хотя бы с таким: «Мой первый друг, мой друг бесценный!» Что ж, Пушкин и не смешивал своего отношения к Пущину, Дельвигу, Кюхельбекеру, близким ему всей кровью, с отношением к Вульфу. Они приятельствовали, и о похождениях их до сих пор помнят потомки тригорских насельников пушкинской поры. И, как бы желая очистить память поэта от сомнительной близости, пушкинисты раз и навсегда зачислили Алексея Вульфа в разряд случайных спутников, которых невесть как затягивает на орбиту великих людей.

Но мог ли такому пустому, никчемному, к тому же низкому человеку раскрывать душу наипроницательнейший Пушкин? Мог ли он ему первому читать новые главы «Онегина» и только что написанные стихи? Поверять не только свои сердечные тайны, но и свои раздумья, творческие намерения, наконец, сделать его соучастником несостоявшегося бегства из аракчеевской России? Мог ли бы он так охотно путешествовать с ним, давать ему приют в Петербурге, где сам ютился в номере Демутовой гостиницы, поддерживать с ним отношения в интимном кругу друзей-литераторов? Конечно, нет! Собу-

тыльника Пушкин оставил бы для застолья, напарника по амурным делам — для тригорской девичьей. Лариса Керцелли вскрывает истинную суть отношения Пушкина к «тверскому приятелю», который после ее тщательного и убедительного анализа предстает перед нами человеком совсем иного ранга и значения, нежели мы то привыкли видеть в искажающем свете предвзятости.

Начинает Керцелли, как всегда, с графики Пушкина, оставившего несколько зарисовок характерного и красивого лица Вульфа. В этих набросках Вульф всегда серьезен, сосредоточен и строг, даже там, где изображен уже постаревшим, в усах и бакенбардах. А ведь мы знаем, как умел Пушкин примечать и утрировать в своих моделях смешное и неприятное, если нужно было. Но никогда не приходило ему на ум повеселиться за счет «тверского приятеля». Он сознавал значительность Вульфа, за личиной волокиты и повесы проглядывал человека, способного к глубине и тонкости, с хорошим литературным вкусом и острым умом. Вульф с его незадавшейся жизнью и карьерой, невоплощенными задатками при большой внутренней силе и несомненной интеллектуальности принадлежал к породе «лишних людей», но никак не пустышек. Не стану воспроизводить весь ход размышлений и аргументов Ларисы Керцелли, это надо читать, скажу лишь, что тут она отважно пошла и против такого признанного авторитета, как А. М. Эфрос. Его книга «Рисунки поэта», изданная в 30-е годы издательством «Academia», давно стала классической. И хотя в дальнейшем другие ученые, в частности, такой знаток Пушкина, как Т. Г. Цявловская, значительно расширили и углубили тему Эфроса, многие его оценки и выводы остались незыблемыми. И то, что пересмотреть многие из них отважилась молодая исследовательница, говорит о ее незаурядной научной смелости.

И так ли уж важна, спросит читатель, «реабилитация» какого-то Вульфа? Да, важна, хотя бы из простой человеческой справедливости. Но есть и другое: ничтожный и аморальный Вульф набрасывает тень на светлую фигуру поэта. А Вульф, встающий со страниц книги Керцелли, ничуть не унижает Пушкина своим приближением к нему. Он человек сложный, противоречивый, грешный, но, несомненно, значительный, незаурядный и преданный Пушкину...

Остается сказать о литературных достоинствах книги Ларисы Керцелли. Мы как-то забыли сейчас, что литература некогда называлась «изящной словесностью». Это старомодное выражение начисто перестает быть смешным, если вспомнить, что прежде слово «изящный» означало «выдающийся», «несравненный», «лучший». Так вот, у нас и чистая беллетристика далека зачастую от уровня изящной словесности, что же говорить о научной или научно-популярной литературе? Родниково-чистая, точная, ясная и звонкая речь Ларисы Керцелли принадлежит «изящной словесности» и достойна великого предмета ее исследовательских усилий.

1976

Б. Ахмадулина

ЗДЕСЬ ОН ХОДИЛ

Здесь он ходил. Здесь смотрел. Здесь любил... Здесь записал. Написал!

Я смотрела маленькую картину... нет — картинку, видение...[1]

О тверских местах, где он, Пушкин, жил, любил, пи-

[1] Документальный фильм «Земля Тверская, пушкинские места». Режиссер А. Миронов, оператор В. Супрун.

сал. И мне захотелось продолжить это нескончаемое раздумье о Пушкине, которое длилось и помимо наших усилий, как жизнь Земли, как непреклонный ход светил. Нельзя уличить природу в бездействии, в отсутствии времени года или заподозрить небо в отсутствии звезды: сейчас невидима, но есть же! Так и ваше, мое, общее наше национальное сознание нельзя застать врасплох, без присутствия в нем Пушкина. Его владения неисчислимей нашего знания и сознания, он присвоен кровообращением народа, да так и передается — из пульса в пульс, из поколения в поколение. Вот та старая-престарая женщина, близкая соседка Пушкина уже по другой, по псковской земле, да и по времени не дальняя его соседка — боюсь, нет ее больше поверх этой благословенной земли, давно это было. Я озябла на сеновале и вернулась среди ночи в дом. Женщина эта, истратившая глаза свои на долгое зрение, на слезы по сыновьям, по мужу и по всем, кого случилось ей пережить, увидела все же множество сена в моих волосах и — как она смеялась! И за этот отдых смеха и ночного веселья она четко приметила и полюбила меня, и долго шел мне привет из деревни Малы.

В ту позднюю осень, так похожую на эту, тверскую, что на экране избыток северного сияния достигал наших небес. Призрачно бледнели на стенах избы лица погибших и умерших. Непонятные эти снимки, изначально размытые непристальным фокусом, не снесли влияния времени, стали вовсе блеклы и слабы... Женщина, оплакавшая их и с тех пор впервые смеявшаяся той ночью, никогда не читала ни одной книги. Кем же приходится ей Пушкин, что и тогда, как всегда, не было сомнений в его явном присутствии, в необратимой неистребимости его краткой жизни? Был ли он для нее лишь наслышкой, особенно могучей в тех местах, слухом, которым земля полнится, который по всей Руси великой — сами знаете, что прошел и всегда будет идти? Да, и наслышкой,

и чудной легендой — о добром, о прелестном, о курчавом, в красной рубахе, терпевшем за правду, всех жалевшем, убитом злодеем и доныне жалеющим всех, у кого печаль. И все же Пушкина в ней было больше, чем сведений о нем,— столько, сколько благородно-живучей прочности, сколько несказанной речи, сколько ясного разума, не ученого грамоте, не имеющего изъяна темноты. Что ж, дело нехитрое — Пушкин и есть наша речь, наша словесность, наша оснащенность разумом и совестью, в жизни и житье-бытье.

И напоследок, на память о том, что Пушкин, как никто другой, держал сердце в доблестном напряжении возвышенного дружеского чувства, говорю: о други, о друзья мои, он, давший нам так много, живший так недолго, страдавший так сильно,— какое блаженство, что он родился!

1981

А. Крейн

ЖИЗНЬ МУЗЕЯ

В 1967 году организации Калининской области обратились в наш музей наполовину за советом, наполовину с просьбой о помощи: речь шла о создании нового музея Пушкина в селе Бернове Старицкого района. Мы отнеслись к этой идее с осторожностью. Планы казались попыткой не только с негодными, но и вообще без всяких средств.

— Вы же начинали с нуля,— это был их основной довод.

Но на сей раз он нас мало убеждал. Никто у нас не занимался темой «Пушкин в Тверском крае», и мы не представляли, что может лечь в основу такого музея. Кроме того, идея музея в селе, куда даже приличной дороги нет, казалась по меньшей мере необдуманной.

Мы изложили наши соображеиия, воздержались в то время от обещаний.

Но мысль о создании пушкинского музея у калининчаи оказалась сильиее обстоятельств и возражений. Вероятно, немалое значеиие имела организация Всесоюзиого Пушкииского праздника поэзии у соседей, в Псковской области, в пушкинском заповедиике. Идея музея развивалась, иаходила все больше сторонииков в области и перевоплощалась в идею более широкую: в план благоустройства пушкииских мест, охраны прнроды, иаконец, план «Большого Пушкииского кольца», охватывающего места пребывания поэта в Тверском крае,— перспективный туристический маршрут, крупномасштабиое культуриое начиииаиие.

Впрочем, мы забежали вперед...

В иачале лета 1970 года мы получили приглашение принять участие в иаучной конференции на тему «Пребываиие Пушкина в Тверском крае».

Местом конференции калиининцы мудро и дальновидио избрали Берново. Туда былн приглашены пушкинисты области, краеведы. От московского пушкинского музея на конференцию выехала Светлана Тихоновна Овчнннникова. Тогда оиа еще не знала, «где таилась погибель» ее. После этой поездки она да и весь иаш музей на многие годы сталн причастны к делу воссоздания пушкииских мест в Тверском крае.

Как в любом творчестве, успех в музейном деле приходит, когда работа приобретает личностиый характер. Имеино так и случилось с Овчиииниковой. И иавериое, лучше всего предоставить слово ей самой.

«...Я поехала в командировку в какое-то весьма смутио мие известное село Бериово иа пушкиискую конференцию, ио, видимо, более всего для того, чтобы решать — делать там пушкииский музей или иет.

Стояло самое начало лета. Цвела сирень. В круглом прудике посередине села звоико кричали лягушки. От

прудика шла лнповая аллея, и в конце ее возвышался дом — старинный ампириый особияк, желтеиькнй, с рядом колоин и мезоииином. Дом Иваиа Иваиовича Вульфа, знакомого Пушкиiа, родствеииика Прасковьи Александровиы Оснповой. Ему прииадлежало Бериово. Сюда часто приезжал поэт, гостил, правда, ие подолгу — по 2—3 дия; жил в гостииой с балкоиом, выходящим в сад; взбирался на круглую горку «Парнас» недалеко от дома в парке...

Побывала и в Павловском — крошечиой деревеньке, буквальио иесколько дворов, удивительно поэтической, на краю леса. Павловское тоже было вульфовскнм — прииадлежало Павлу Иваиовичу Вульфу, «доброму моему Павлу Ивановичу», как писал о нем поэт. Осеиью 1829 года Пушкии прожил здесь около трех иедель.

Но чаще всего и дольше всего гостил Пушкин в Малииниках (все это соседиие места) у Осиповой...

«Здесь мие очеиь весело. Прасковью Александровну я люблю душевио...», «...я деревеискую жизнь очеиь люблю»,— писал Пушкии Дельвигу. С мнхайловских времеи он дружеи был со всей семьей: старшим сыиом Алексеем, дочерьми Аиной и Евпраксней, хорошеиькой падчерицей Алииой. Всем нм посвящал стнхн, иногда серьезиые, иногда — галаитиые, шутливые послаиия.

На берновской пушкиiской коифереиции выступали местные почитатели поэта: писатели, учителя, краеведы. Говорили о Пушкиие, о его связи с Тверскнм краем. Говорили горячо, восторжеиио, даже, я бы сказала, агрессивио. Создавалось впечатлеиие, что вот здесь-то, в Тверской губериии, и иаходился главиый нсточиик пушкииского вдохиовения. Краеведы ясио дали почувствовать, что зиамеиитые Михайловское и Болдиио приобрели энергичных и убеждеииых соперников. А главиое — это я поияла уже поздиее — в этих преувелнчениях была большая доля правды. Пушкии дейст-

вительно любил эти места, был привязан к Вульфам, любил энергичную и умную Прасковью Александровну. И поэтому, когда с особой силой начинали беспокоить его столичные тревоги, хлопоты, зловещие опасения, когда хотелось уйти от этой бесконечной выматывающей суеты, он уезжал в деревню. Но уже не в Михайловское: в 1828 году умерла Арина Родионовна и родное псковское гнездо опустело. И теперь он уезжал в глушь Старицкого уезда, к Вульфам, к милым его сердцу восторженным добродушным провинциалам. Здесь он находил дом, любовь, покой, уют, вдохновенье. Здесь он ездил на охоту, кокетничал с барышнями, озорничал с Алексеем Вульфом — и писал. В тверских имениях он работал над седьмой главой «Евгения Онегина», здесь он написал большую часть «Путешествия Онегина», посвящение к «Полтаве», «Роман в письмах», массу стихов: «Зимнее утро», «Анчар», «Поэт и толпа» и многое, многое другое.

Музей в Бернове должен был делаться (если вообще должен) в небольшом доме, в избе. Решать было трудно: домик мизерный для музея Пушкина (даже сельского), экспонатов нет. Но разве все-таки плохо сделать музей в этом милом селе? Маленький, уютный.

Когда я возвращалась в Москву, я как-то все это себе представляла, только думала: с кем делать? Приехала и рассказала художнику Юрию Леонидовичу Керцелли. Он принял идею довольно равнодушно. Но потом загорелся — и на несколько лет это стало делом его жизни, его страстью, его последней любовью. Последней — потому что Юрия Леонидовича уже нет в живых...»

Поездка С. Т. Овчинниковой решила дело: мы не устояли и взялись за организацию берновского музея. Как всегда, главная тяжесть ложится на инициатора. В данном случае им оказалась Овчинникова, она первая сказала «да» — она и стала «делать» музей. На

нее легла полностью разработка научного плана экспозицни, и для этого необходнмо было перечнтать все, что касается темы, и все, что лежнт вокруг нее: следовало узнать, кто окружал Пушкина в Тверском крае; уяснить ие только биографнческую, ио и литературную концепцню музея. И иадо было с нюля (опять с иуля!) иачать собнраине материалов.

Уднвнтельио, что иа все это ушел год, всего только год. При этом оборудоваине н оформлеине делались из расчета не иа сельский, а на столнчный музей.

В мае 1971 года дом еще не был отремонтирован. Приехавшие в Бериово Овчиинникова, Керцеллн, художинк В. И. Круглов, наш мастер Н. А. Жуков оказалнсь, скажем мягко, в очень трудной ситуацин. Но иепоиятиым образом, как это чаще всего бывает, к иужному дню н часу, к открытию музея — все было готово.

Овчнннникова рассказывает: «...Целый год работали мы иад созданием музея в Бериове. И вот 5 нюия 1971 года — ко дию рождеиня поэта и Всесоюзиому Пушкннскому праздинку поэзни — экспозицня была открыта. Уднвительиый, торжественный деиь! С утра все дороги, дорожкн, тропкн, ведущне в Бериово, былн запружеиы иародом. Людн шли нз окрестиых деревень. Людн ехалн из Старнцы, Торжка, Калниниа, Москвы н Ленинграда. «Волги», автобусы, самосвалы, проселочные «козликн» в это утро 5 июия иаправлялись в Бериово. Отделениое от больших городов, от шоссе и железиых дорог, окруженное лесамн, древнее село иа берегу реки Тьмы вдруг сразу сделалось зиаменитым. И ие нужио ему сопериичать с Михайловским н Болдииом — у иего слава скромиая, не столь шумиая н шнрокая, ио своя, заслужениая. Это тверское село освещеио «веселым нмеием Пушкина».

Теперь, после открытня бериовского музея, тема «Пушкии и Тверской край» стала популяриой: ей

посвящаются лекции, фильмы, книги, буклеты, плакаты...»

Разумеется, создание музеев Калининской области не было возможно без вклада местных пушкинистов и краеведов В. Ф. Кашковой, А. С. Пьянова, А. А. Суслова, Д. А. Цветкова, М. А. Ильина, без сотрудниц калининского музея Л. А. Казарской и С. П. Орловой.

История создания Музея А. С. Пушкина в Бернове на этом не кончается, а, пожалуй, только начинается. Правы были руководящие работники Калининской области, которые говорили: «Начнем с избушки, с маленького музея. Пускай пойдет народ, сформируется общественное мнение. Остальное — последует».

Берновский эксперимент — убедительный пример того, что музей может стать очагом культуры, именно очагом, центром культурных и других начинаний.

Проводятся большие дорожные работы. Со стороны Старицы и со стороны Торжка — в обе стороны «Пушкинского кольца» — уже можно передвигаться на любой машине. От самого Калинина до Старицы — Бернова — Торжка на автобусных остановках укреплен плакат со схемой маршрута.

Многое сделано в Бернове: дорожное сообщение повлияло на экономическое и культурное развитие села. Построены гостиница, новый магазин, кафе-столовая, АТС, предоставлено помещение библиотеке. И все это имеет прямое отношение к музею.

Из старой вульфовской усадьбы в новое здание переведена школа. Мемориальный дом освобожден, отреставрирован и передан музею. 6 июня 1976 года в большом вульфовском доме открыта выставка. Встали новые проблемы: нужно значительно расширить экспозицию, обогатить ее материалами, пересмотреть тематику — вот программа ближайших лет.

Берново — центр проведения в Тверском крае ежегодного Всесоюзного Пушкинского праздника.

Берново положило начало и второму пушкинскому музею — в Торжке. Пушкин проезжал через Торжок многократно, часто останавливался здесь. Сохранилась гостиница Пожарского, где он снимал номер. Сохранился и одноэтажный дом Олениных. Скромный и уютный, где поэт не мог не бывать. Здесь уже в 1972 году также при непосредственном участии нашего музея была открыта временная экспозиция.

Создание этого музея — сложное дело. Стоящий между Москвой и Петербургом, Торжок — заметный пункт в странствиях Пушкина по России. Именно так, как рассказ о странствиях поэта — шире и проблемнее, чем берновская экспозиция,— замыслен музей в Торжке. Осмотр его должен заканчиваться на смотровой площадке, находящейся в саду оленинского дома с широким и прекрасным видом на город. Ведь и сам Торжок с десятками сохранившихся старинных построек представляет большой музей. Лучший способ вспомнить о Пушкине в Торжке — осмотреть древний город. И съездить в Грузины, где жили друзья поэта Полторацкие, в Митино, бывшее поместье Львовых, в деревню Прутню, на погосте которой покоится прах Анны Петровны Керн.

Научный план экспозиции пушкинского музея в Торжке разработан Овчинниковой (его объем 5 печатных листов), и он может стать программой дальнейших поисков.

Как мы уже говорили, пять лет Ю. Л. Керцелли занимался музеями в Бернове и Торжке. Им создан нынешний художественный облик этих музеев и перспективный проект оленинского дома в его взаимодействии с памятниками Торжка. Но Керцелли был не только художником, автором проектов. Он стал пушкинистом, текстологом, краеведом, собирателем, знатоком мебели,

реставратором и проч. Керцелли все знал — сложные родственные взаимоотношения семейств Олениных и Балавинских — владельцев мемориального дома в Торжке; знал, как выглядели погреба в селе Митино, какая надпись первоначально была на могиле Керн в Прутне. Прошедший многолетнюю школу общения с пушкинской темой и материалами в московском музее, Юрий Леонидович сделал очень многое для разыскания и собирания материалов по Бернову и Торжку, по атрибуции портретов. В рукописях Пушкина он обнаружил зарисовки тверских мест. Каждое лето, начиная с 1970 года, он проводил в походах по окрестным местам, рисовал их, накапливал впечатления и сведения, очень нужные для создания пушкинских музеев. И самое деятельное участие принимал в организационных делах, становясь порой чуть ли не главным архитектором у реставраторов, прорабом у строителей. Преодолевая присущую ему застенчивость, он шел с докладом о трудностях и нуждах прямо в высшие инстанции области — и его внимательно выслушивали и неизменно оказывали помощь.

Его жена, литературовед Л. Ф. Керцелли, опубликовала ряд статей и книгу «Тверской край в рисунках Пушкина» («Московский рабочий», 1976) — большая доля в книге принадлежит Юрию Леонидовичу, успевшему выполнить и прекрасное ее оформление.

Еще и еще раз хочется воздать дань уважения всем калининским организациям, их руководителям и рядовым работникам, которые проявили не просто внимание к культурному делу, но подлинную страсть, убежденность, удивительную настойчивость. Но это — тема особого рассказа.

Всю организационно-хозяйственную сторону взяли на себя областные и районные организации, и прежде всего Калининский областной краеведческий музей, возглавляемый И. М. Бружеставицким, одним из

лучших и преданнейших руководителей музеев, каких мы встречали.

Организационная работа в музеях вообще необычайно сложна и, увы, крайне плохо обеспечена. Сложна она — даже в сравнении с другими учреждениями культуры и искусства — тем, что совершенно неотделима от научной и художественной деятельности музеев. Один экспонат — это десятки организационных дел, связанных с разысканием, приобретением, оформлением, реставрацией, транспортировками. Тысяча экспонатов — это десятки тысяч специфических, кропотливых дел...

Ни один другой тип учреждений в такой мере не связан со старинными памятниковыми зданиями, которые так приятны для осмотра и так трудны в ремонте, реставрации, уходе за ними. Музеи имеют дело только с уникальными предметами оборудования — стандарта здесь нет, все проделывается будто впервые.

Автор этих строк, сам директор музея, давно уже вывел для себя формулу: «Я смеюсь над творческими трудностями, плачу от трудностей организационно-хозяйственных». Но трудности, которые испытывает директор областного музея, еще много сложнее, а тем более такого, как калининский, который имеет десять (!) отделов и филиалов, разбросанных по всей области, общее расстояние до которых 1400 километров.

Опыт создания пушкинских музеев в Калининской области показывает, что они сегодня столь же нужны селу, как и городу. Об этом свидетельствует состав посетителей — среди них много жителей окружающих районов. Но очень важно и другое: сельские музеи, музеи на природе, притягивают к себе жителей городов теперь едва ли не больше, чем городские, сельский музей сегодня служит и селу и городу.

В летнее время не только в Торжок, который лежит «на большой дороге», но еще более в Берново

направляется поток автобусов и легковых машин. Мы понимаем — дело не только в музее, но и в развитии туризма, средств сообщения, транспорта. Но туризм должен иметь цель — объект осмотра. И от того, в какой мере этот объект отвечает душевным интересам экскурсанта, в огромной мере зависит достижение высших целей туризма — духовных.

Сила берновского, торжокского музеев, всего «Пушкинского кольца» в том, что они — пушкинские. Это не требует доказательств.

Но сила их еще и в том, что они связаны с селом, с природой, прекрасной природой Верхневолжья.

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Нашему машинно-атомному веку, как никогда, созвучны признания Пушкина в любви к природе. Вот почему «Пушкинское кольцо» кажется нам такой принципиальной удачей.

Создание музеев в Бернове и Торжке, размышления о них, наблюдение их опыта — все это открыло для нас новые грани музейного искусства, расширило профессиональный горизонт, повлияло на решения, связанные с Арбатом.

1979

Поэты - поэту

Г. Безрукова

ПО ПУШКИНСКОМУ КОЛЬЦУ

I

Тут мелко. И мальков мельканье
Мальчншек местных веселнт.
Ах это раннее купанье!
Пусть даже мамка не велнт.

Саженкамн. И по-собачьн.
От камушка н до лозы.
А на воде легко маячнт
Тень самой сннеи стрекозы.

Ах это раннее купанье,
Каннкул летннх кутерьма.
...Ах этн мнлые названья —
Малннннкн н речка Тьма.

II

Словно сахарная, тает
Церковь белая в воде.
Птнца белая взлетает,
Улетает, тоже тает. Не вндать ее ннгде.

Одуванчик отцветает,
Тает пух в траве густой.
Испаряется и тает
От черемухи настой.

Все растает.
Все вернется,
Верность вечности храня.
Слышишь? Девочка смеется,
Так похожа на меня.

III

Праздничная обнова,
Черемуховый наряд.
Возле местечка Берново
Белые гроздья горят.

Нежный, чуть-чуть горчащий,
Белый стоит холодок.
Здесь, в зацветающей чаще,
Много есть тайных дорог.

Тропок полно неизвестных.
Кто проходил здесь в тени?
Я бы спросила у местных —
Только не помнят они.

Кто здесь чудесные песни
Складывал в прежние дни?
Я бы спросила у местных —
Только не знают они.

Я бы спросила о главном —
В прошлое где поворот?

...К черному омуту плавно
Белая ветка плывет.

IV

А окна выходили в сад.
И двери выходили в сад.
И люди выходили в сад,
И все садились на лужайке.
Царил в усадьбе мир и лад.
И царственнее всех наград
Был взгляд пленительной хозяйки.

Темнело. Возвращались в дом.
И долго гости за столом
В гостиной пили чай с вареньем.
И пахло от волос и рук
Прелестных молодых подруг
Июньской пряною сиренью.

Дом постепенно засыпал.
Сад лепестками засыпал
Крыльцо, приезжую карету...
И было бы совсем темно,
Когда бы не одно окно —
Оно светилось до рассвету.

V

Придумали вы это удивительно:
Завянет лишь последняя из звезд,
Отправиться до Прутни через Митино,
На старый достопамятный погост.

Как хорошо идти лесной дорогою,
Где юношески буйная трава

И где полны весеннею тревогою
Столетние большие дерева.

Тверца доносит влажный запах ила.
Звенят, ликуя, птицы по кустам.
А на погосте есть одна могила —
Давно уже никто не плачет там.

Но люди это место почитают,
Цветы приносят, и стихи читают,
И думают о странностях любви.
И на скамье задумчиво мечтают...
И каждый вечер в Прутню прилетают
Со всей округи нашей соловьи.

А. Гевелинг

БЕРНОВО

1

Пылало все то же светило,
И пели полозья возка,
И небо такое же было,
И так же текли облака,
И с брега того же крутого
Дорога срывалась витком,
И так же курилось Берново
Все тем же уютным дымком,
И лился с такого же наста
Рассыпчатый утренний свет.
И где они, все полтораста
Берновских беспушкинских лет?
Да нет их, да не было вовсе,
А если и были — не в счет!

Ты встретить его приготовься —
И он к тебе в гости придет.
Здесь все у него на примете,
И он не пойдет наугад:
Сменяются люди на свете —
Дороги все там же лежат.
И может быть, вечная эта
Шутливая горка «Парнас»
В мерцании зимнего света
Сроднила душевнее нас.
И холод столетний растает,
И поступь поэта слышна:
Ведь нас, как его, осеняет
Мастистая эта сосна.
Конечно, великие книги,
Как праздники, в душах горят.
Конечно, великие миги
Великие книги творят.
Мы любим их пылко и стойко,
Незыблемо наше родство.
Но в тихой квартире на Мойке
Мы видим живого его.
Способны с эпохами спорить
И бронза его, и гранит,
И милая скромница Сороть
Его отраженье хранит.
Не надо смотреть удивленно,
Узнав про такие дела:
Той осенью в Болдине сонном
Вот эта травинка росла.
Полны им чухонские веси,
Молдавские помнят сады,
И Черное море в Одессе
Его не размыло следы.
И Медного всадника берег —
Над той же державной водой,

И грезит поэтами Терек,
Все тот же, как зверь молодой.
И кажется мие, что иочами
Усиуть ие могу оттого,
Что здесь, у себя иад плечами,
Я слышу дыхаиье его.

2

Людской волной июиь иахлыиул сиова,
Дороги деревенские всклубя,
И виовь, гостелюбивое Бериово,
Твои друзья приветствуют тебя!
Твою сосну,
Твой пруд,
Твой берег древиий —
Зелеиые, русалочьи места!
Вселюдио почитаемой деревией
Тебя мы имеиуем иеспроста.
Кто раз узиал,
Вовеки ие забудет
Твоих ледком подериутых дорог,
Твои «мороз и солице» помият люди
От малых лет до гроба назубок.
В твоем обличье — ничего такого,
Что ие было бы ведомо другим.
Но Пушкии
За тебя замолвил слово —
Мы в сердце его заповедь храиим.
В метаииях космического века
Столетие предаиия храия,
Ты — иаша поэтическая Мекка,
Михайловскому, Болдину родия.
Июиьским призываемые сроком,
Как за иасущиым хлебом,
Там и тут

По автострадам, тропам и дорогам
Любови наши
К Пушкину текут.
Такой прием не мог и сниться залам.
Кругом друзья, куда ни повернусь.
И кажется,
Что это нам сказал он:
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

А. Скворцов

ИЮНЬ, БЕРНОВО

Травы вызревают на опушках
В голубой пугливой тишине.
Еду снова на свиданье с Пушкиным,
Чтобы с ним побыть наедине.
А дорога, словно речка, вьется
И зовет не одного меня...
Может быть, у этого колодца
Он когда-то напоил коня.
На заре посверкивали косы,
Как сейчас, сопровождая нас.
Здесь, в Бернове, он, простоволосый,
Поднимался на гору «Парнас».
Мы живем, седые травы косим,
По своим торопимся делам.
Каждый год к нему мы едем в гости.
Каждый день он сам приходит к нам.

В. Штубов

БЕРНОВСКИЙ ОМУТ

По преданию, легенда об этом
омуте легла в основу драмы
А. С. Пушкина «Русалка»

Здесь не тонут и вряд ли помнят,
Что мерцало на черном дне.
Высыхает Берновский омут,
Забывая о глубине.

Глубина — достаешь ладонью,
И на ощупь песок горяч.
Омут вечером лишь бездонен.
Только ночью
и настоящ.
Отражения звезд и леса
Осеняют русалкин дом.
Мы замрем над великим местом
И покажется:
не умрем...

Что здесь было, чего здесь не было?
...Задрожит над водою дождь —
Словно мельник незримым неводом
Утонувшую ловит дочь.

Вот он вышел и снова замер...
Или это ветлы изгиб?
Может, это его слезами
Здесь над омутом плачет выпь?

А вода — как звук поцелуя,
От луны отступает мрак.
И кочуют по свету струи
В здесь родившихся облаках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТВЕРСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ О ПУШКИНЕ

Б. С. Мейлах — авторитетный исследователь творчества А. С. Пушкина. Широко известна его книга о поэте «Талисман», вышедшая впервые в издательстве «Современник» в 1975 году. Значительный интерес для тверского читателя представляет в этой книге глава «Народ и поэт», содержащая впервые публикуемые крестьянские письма о Пушкине.

Знакомясь с фондами рукописного отделения Института русской литературы Академии наук СССР, исследователь обратил внимание на архив предназначавшейся для деревни забытой дореволюционной газеты «Сельский вестник», в котором сохранились сотни писем крестьян о Пушкине. Это были письма, написанные зачастую на серой оберточной бумаге, большей частью полуграмотные каракули, по одной, пять, десять и более страниц, иногда исписанных даже стихами. И все о Пушкине! «Впервые можно было судить об отношении народа к Пушкину, о знании и понимании народом Пушкина, о том, каким был образ поэта в крестьянском сознании, причем судить по рассказам самих крестьян!» — утверждал автор книги.

Каков же повод появления этого потока писем? 9 мая 1899 года, незадолго до 100-летия со дня рождения Пушкина, газета «Сельский вестник» обратилась к читателям со следующей просьбой: «26 числа наступающего мая месяца исполняется 100 лет со дня рождения великого русского писателя Пушкина. Просим наших читателей, близко стоящих к простому народу и хорошо его знающих,

сообщить нам: насколько известно в народе имя Пушкина? какие сочинения его наиболее читаются народом и как попадают к нему? что в них больше всего нравится и почему? что нравится меньше и почему? что простой народ знает и думает о Пушкине? Просим и самих крестьян, наших читателей, написать об этом просто и прямо, не стесняясь, как умеют и как бог на душу положит. Кто и совсем ничего не знает о Пушкине и даже не слыхал о нем или знает очень мало,— пусть напишет и об этом. За всякие сообщения обо всем этом мы будем очень благодарны».

Редакция «Сельского вестника» получила около тысячи откликов со всех концов России. В газете же было опубликовано только 101 письмо, причем тщательно отобранные в цензурном отношении...

Ниже приводятся по книге Б. С. Мейлаха некоторые письма крестьян Тверской губернии о Пушкине.

Понимание заветов Пушкина и его творчества изложено в безграмотном по форме, но исключительно интересном по содержанию письме крестьянина деревни Головкино Гродненской волости Зубцовского уезда С. Никитина: Пушкин «показывал жизнь и науку», он учил узнавать людей, ведь человек «может представиться покровителем, а оказаться губителем». Пушкин — пример и образец поведения (в этом суть основного содержания письма), он был за правду, «от того он не искал себе почета, более приставал к простонародию, потому что простонародье скорее возьмет пример, к чему он расположен».

Далее о Пушкине говорится: «Если бы он не имел в себе правды, не пошел бы на дуэль, а как пошел на дуэль, то больше засвидетельствовал свою правду, ради правды не пожалел своей жизни». Сопоставляя поведение Пушкина с примерами из окружающей жизни, Никитин заключает: «А мы ради приятеля и богача какого-нибудь говорим облыжные слова, клевещем... Только такие люди не пойдут на дуэль...»

Из деревни Козлово Новоторжского уезда крестьянин Д. Кирсаков с огорчением писал, что среди его односельчан многие «о Пушкине и понятия не имеют. Начни такому говорить или читать произведения Пушкина, а он, в свою очередь, спросит вас: «Кто же этот

был Пушкин — анервл н вблвквт?» Вниа этому малогрвмотность, отсутстване школ. Для того чтобы «узнал нвш нврод всех велнких людей родной землн, не только Пушкинв, Гоголя н Белниского, в многнх н другнх печальников и песеннников русской землн», этот чнтвтель предлвгвет увековечнть память Пушкнна открытнем не хрвма, в хотя бы одного учнлнща нв волость.

Передавались из уст в уств рассказы о блнзостн Пушкнив к народу, о его сочувствни всем страдввшнм от властей. Вот однн нз рассквзов такого родв:

«Пушкнн жил в именнн; в том стане ствновой был страшный взяточник, через что с Пушкиным, заступввшнмся за обнженных, частенько бывалн у него горячне споры. И вот прнствву зв долгую службу выслалн орден; в это время в местном погосте была ярмврка, где прнстав н звхотел щегольнуть полученюю ивгрвдой; на той же ярмарке был и Пушкин, который, встретив станового н увндвв у него в петлнце орден, сквзал: «Господи Инусе Хрнсте, ты спас рвзбойнника на кресте, а нынче пришло ко мне горе, вижу — крест нвдет нв воре», «чем будто бы и смутил станового». (Из пнсьма крестьяннна Миханла Чихвчева, Новоторжский уезд.)

Интерес вызыввли пвмятные мести, связанные с Пушкиным. Крестьяннн деревнн Гикино Звборовской волостн Вышневолоцкого уезда В. Я. Кузьмин-Кврельскнй обратился к редвкцнн с вопросом: «А хотелось бы знвть, нвйдено ли то место доподлнннно, где был убит зтот генний и лочтенно ли оно чем-либо?»

Б. С. Мейлвх, привводя в своем нсследовввнни этн пнсьма, звключает: «Читая эти строкн, нельзя не вспомннть снова отзывы о Пушкние крестьян другой эпохн, послереволюцнонных лет... В этнх отзыввх тоже восхищенне Пушкнным как велнким другом нвродв, певцом свободы н справедливостн, тв же беспредельная восторженность, увлеченность прелестью его образов. Такова жнввя трвднция восприятия пушкинского творчества, но теперь уже восприятия его освобожденным нвродом».

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько раз проезжая через Тверь...

Тысячи друзей

Поэты — поэту

ТВЕРСКОЙ ВЕНОК ПУШКИНУ

Сборник

Заведующий Калининским отделением *А. Душенков*
Редактор *А. Бутузова*
Художник *Н. Пашуро*
Художественный редактор *И. Лопатина*
Технический редактор *Н. Калиничева*
Корректоры *О. Наренкова, Л. Сидоренко*

ИБ № 4166

Сдано в набор 18.01.89. Подписано к печати 20.07.89. ЕА 05409. Формат 70×108[1]/[32]. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 8,05. Уч.-изд. л. 6,59. Тираж 25 000 экз. Заказ 4507. Цена 40 коп.

101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Калининское отделение. 170000, г. Калинин, ул. «Правды», 25.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Тверской венок Пушкину: Сборник.— Кали-
Т26 нин: Моск. рабочий, Калинин. отд-ние, 1989.—
142 с.

Сборник посвящен пребыванию А. С. Пушкина в Тверском крае. Включает в себя стихи и прозу поэта, написанные здесь, рассказывает о находках местных краеведов и творчестве советских литераторов — участников Пушкинских праздников поэзии в Калининской области.
Адресована широкому кругу читателей.

Т $\frac{4603020101-226}{М172(03)-89}$ **Без объявл.** **ББК 83.3Р1**

40 коп.

Сборник посвящен пребыванию А. С. Пушкина в Тверском крае. Включает в себя стихи и прозу поэта, написанные здесь, рассказывает о находках местных краеведов и творчестве советских литераторов — участников Пушкинских праздников поэзии в Калининской области.